А.С. АБРАМОВ

ЧАСОВЫЕ ПОСТА №1

А.С. АБРАМОВ

ЧАСОВЫЕ ПОСТА №1

Из истории
почетного караула
у Мавзолея Ленина

Издание пятое,
дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

13.582
А16

Абрамов А. С.

А16 Часовые поста № 1: Из истории почетного караула у Мавзолея Ленина.— 5-е изд., доп.— М.: Политиздат. 1985.— 128 с., ил.

Эта книга о судьбах первых часовых и других ветеранов почетного караула у Мавзолея Ленина.
Книга дополнена двумя новыми очерками.
Автор книги — московский журналист.
Книга рассчитана на массового читателя.

А $\frac{0505000000-352}{079(02)-85}$ 136—85

13.582
3К26

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.
© ПОЛИТИЗДАТ, 1985 г.

I

У входа в Мавзолей Ленина застыл почетный караул. Два солдата с карабинами. Внуки героев Октября, сыны победителей гитлеровской Германии. Здесь главный пост страны — пост № 1.

Цветут ли липы на Красной площади или снежным покрывалом укрыты ели у Кремлевской стены — в любую погоду мимо часовых течет бесконечный людской поток. Он возникает не на Красной площади. Он начинается на тротуарах всех городов мира, на островах всех морей, на тропинках всех гор и долин. А Красная площадь лишь последний пункт этого пути, расстояния на котором нужно измерять не километрами, а ударами человеческого сердца.

На виду всей Земли стоят солдаты.

На планете нет вахты почетней, чем эта. От имени народа часовые воздают воинские почести вождю.

Каждая смена стоит по 60 минут. И так уже 62-й год. И так будет вечно.

Первые часовые встали на пост № 1 27 января 1924 года, когда соратники Ленина внесли в Мавзолей красный гроб с навеки уснувшим вождем.

Кто же были первые часовые этого вечного караула?

Казалось, след легендарной пары часовых затерялся в короткой, но бурной истории Советского государства.

Автор решил найти пионеров главного поста страны.

ПЕРВЫЕ ЧАСОВЫЕ

ЗАБЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ

...Впервые я увидел эту фотографию в Институте марксизма-ленинизма.

У входа в законченный на рассвете деревянный Мавзолей стоят часовые с винтовками. Из дверей медленно выходят подавленные горем руководители партии и правительства. Несколько минут назад они установили в Траурном зале красный гроб с навеки уснувшим вождем.

Часовых несколько. С левой стороны, например, хорошо видны трое. Судя по форме, один — кремлевский курсант-кавалерист, а двое — чекисты.

Согласно приказу начальника гарнизона Москвы, по окончании погребения к Мавзолею выставили почетный караул курсантов кремлевской военной школы имени ВЦИК. Почему же стоят еще и чекисты?

Я показал фотографию бывшим курсантам этой школы. Они сказали, что часовой у входа похож на курсанта-кавалериста Григория Коблова.

Так фотография заговорила...

Дверь мне открыл пожилой мужчина.

Он в штатском, но выправка выдает в нем кадрового военного. Действительно, на вешалке — мундир с погонами генерала.

Это гвардии генерал-майор Григорий Петрович Коблов, один из первых часовых почетного караула у Мавзолея Ленина.

«25 курсантов кавалерийского дивизиона, в том числе и меня, и столько же бойцов команды Особого назначения ОГПУ назначили в полуроту, которая должна была сопровождать тело Ленина в последний путь — от Дома Союзов до Мавзолея,— начинает рассказ ветеран.— Наш почетный караул, возглавляемый командиром дивизиона Дрейером, шел двумя шпалерами по бокам гроба, который несли руководители партии и правительства, рабочие и крестьяне.

За пять дней до этого, утром 22 января, я встал на пост у дипломатической ложи в Большом театре, где проходил XI Всероссийский съезд Советов. Не забыть момента, когда Калинин вдруг объявил, что умер Ленин. В глазах потемнело, я с трудом устоял на ногах. В зале — плач и рыдания.

Не верилось! Не раз я видел Владимира Ильича. Несмотря на занятость, он приходил к нам в казармы, расспрашивал курсантов об их жизни, интересовался, что пишут родные. Охраняя съезды и конгрессы, я часто слышал его речи.

Когда Ильич заболел, курсанты, идя на посты, перестали печатать шаг, как требовал устав, и сменили ботинки с подковками на обычные. Команды на занятиях на территории Кремля подавались вполголоса. Возвращаясь с конных упражнений, кавалеристы спешивались и вели лошадей в поводу, сдерживая их, чтобы

было меньше шума. Не пели в строю, чтобы не беспокоить Ильича. Он был очень дорог каждому из нас! Помню, сколько было радости, когда Ленину стало лучше!

А потом больной Ильич переехал в Горки. Сиротливо стало на посту № 27, у его кремлевской квартиры. Не открывалась больше дверь. Не слышалось по утрам такое теплое и сердечное: «Здравствуйте, товарищ курсант!» С замиранием сердца следили мы за сводкой о здоровье вождя. Верили, что поправится. При очередном выпуске курсантов — в 1923 году — Ленина избрали Почетным красным командиром нашей военной школы. И вот — Ильича нет!

...Почетный караул предупредили на инструктаже: крепитесь, мороз доходит до 30 градусов, стоять на площади придется долго — с утра до позднего вечера. Нам выдали теплое белье, дополнительный паек и жир, чтобы смазать лицо.

...Шесть часов шли рабочие Москвы через Красную площадь. Они склоняли знамена у деревянного помоста, где лежал Ленин, покрытый алым флагом... Мы, часовые, стояли у красного гроба по тридцать минут. Сменившись, не шли греться, а возвращались в шеренги по обе стороны помоста. С опаской поглядывали на Спасскую башню — хотелось остановить стрелки часов. Но неумолимо приближались последние минуты прощания.

В 16 часов под первые дальние гудки разводящий Янош Мейсарош поставил меня и Арсентия Кашкина на пост у гроба. Мы стояли в ногах, два чекиста — в голове.

Помню, гроб подняли и медленно понесли. Я шел слева, Арсентий Кашкин — справа. Гул

заводских гудков рос и крепчал. Затем глухо ударили орудия».

Григорий Коблов и Арсентий Кашкин шли по Красной площади — движущиеся капли в неподвижном океане, ибо миллионы людей в эти минуты остановились с поникшими головами. Они шли и чувствовали, как с каждым шагом сжимается сердце от горя. Дойдя до Мавзолея, Григорий Коблов и Арсентий Кашкин приставили ногу, повернулись лицом друг к другу и замерли с винтовками у входа. Так началась первая смена вечного караула.

Мимо них бережно пронесли красный гроб, в глубокой скорби прошли родственники Ильича, его боевые соратники.

Красная площадь запела «Вы жертвою пали в борьбе роковой...».

В эти минуты все радио- и телеграфные аппараты Советского Союза передали на весь мир бессмертный лозунг нашей эпохи: «Ленин умер — ленинизм живет».

Это было 27 января 1924 года.

Несмотря на стужу, народ с Красной площади не расходился еще шесть-семь часов. Все хотели поближе пройти к усыпальнице вождя. Напор был таким, что уже через несколько минут после внесения гроба в Мавзолей в дверях пришлось установить дополнительный караул. С каждой стороны входа стояло теперь по нескольку часовых — курсант и чекисты.

Мороз крепчал.

Часовые Григорий Коблов, Арсентий Кашкин и сменявшие их Сергей Сенчилло, Алексей Макаров, Николай Петров, Франц Балтрушайтис, Семен Соколов и другие курсанты и «осна-

зовцы» полуроты не чувствовали ни усталости, ни холода.

Когда площадь стала наконец постепенно пустеть, сняли с поста чекистов. Лишь поздним вечером курсантов-кавалеристов Николая Дрейера сменили их товарищи из другого батальона [1].

КЛЯТВА КРАСНЫХ КОМАНДИРОВ

В сентябре 1924 года первые часовые Григорий Коблов и Арсентий Кашкин и первый разводящий Янош Мейсарош окончили школу имени ВЦИК. Перед тем как разъехаться в разные полки, молодые красные командиры пришли в Мавзолей.

Был теплый вечер. Длинная очередь начиналась у Лобного места, тянулась параллельно Кремлевской стене, доходила до металлической ограды Мавзолея, круто поворачивала к Спасской башне и снова изгибалась к центру площади...

Шаг за шагом двигался человеческий поток. Красноармейцы, рабочие, крестьяне. В буденовках, кепках, черкесках. И среди них — три друга: Янош, Григорий и Арсентий.

...Далек Будапешт от Александров-Гая. В разгар первой мировой войны из этих городов мчались к фронту два воинских эшелона. В од-

---

[1] К сожалению, пока точно не известны имена первых часовых другого поста — внутри Мавзолея, у гроба с телом Ильича. Один из немногих очевидцев — бывший курсант 3-й пехотной роты А. П. Разуев, полковник в отставке, подробно рассказал, как происходила эта волнующая скорбная процедура, но за давностью лет не запомнил фамилий.

ном из них ехал унтер-офицер австро-венгерской армии Янош Мейсарош, в другом — русский солдат Григорий Коблов. Ждал повестку и 17-летний Арсентий Кашкин. Их, крестьян, посылали убивать друг друга. Одних «за веру, императора и отечество», других «за веру, царя и отечество». Но грянула Октябрьская революция, провозгласившая: «Мир — народам!» И они стали боевыми друзьями. Янош и Арсентий рубили махновцев в украинских степях, Григорий — белоказаков в астраханских. Отважных кавалеристов послали в знаменитую кремлевскую школу командиров. Там зародилась их большая солдатская дружба. Они учились в одном взводе, а на каникулы приглашали Яноша в свои родные места. Янош не раз говорил друзьям, что придет время, когда они вместе поедут отдыхать в социалистический Будапешт.

...Все ближе дубовая стена Мавзолея. Это был уже другой Мавзолей, более монументальный и величественный. Вот скрытые за выступом усыпальницы электролампочки осветили над входом заветное слово ЛЕНИН.

— Поклянемся Ильичу: не пожалеем жизни, чтобы завершить начатое им дело,— тихо сказал Григорий Коблов.

— Поклянемся,— тихо ответили Янош Мейсарош и Арсентий Кашкин.

Обнажив головы, они вошли в вестибюль. В торжественной, сосредоточенной тишине прошли мимо вырезанного в стене герба — красного земного шара, перекрещенного черными серпом и молотом. Спустились вглубь...

У стеклянного ложа краскомы замедлили шаги. Тихо шевельнулись губы каждого...

— Спи, Ильич! Ты сделал все, что мог. Остальное за нами.

Как же сложились судьбы первых часовых и первого разводящего вечного караула?

15 САЛЮТОВ В ЧЕСТЬ ГВАРДЕЙЦЕВ КОБЛОВА

В ночную тишину села ворвался цокот копыт. Начальник фашистского гарнизона подбежал к окну и отдернул занавеску. За дрожавшим стеклом во вспышках выстрелов неслась лавина кавалеристов с искрометными клинками над головами. «Русские!» Их громовое «ура» слилось с нараставшим грохотом артиллерийских разрывов.

Связь не работала. И, потеряв всякую надежду узнать, что произошло на мощной оборонительной линии, прикрывавшей Мозырь с востока, фашист бросил телефонную трубку. Штабные офицеры — кто в кальсонах, кто в одном сапоге, притаившись у окон, били из автоматов наугад в ночную тьму. Их командир накинул шинель прямо на исподнее и вновь приник к разбитому стеклу. И тут только он заметил то, что окончательно сбило его с толку: советские кавалеристы неслись с запада, из немецкого тыла. Военный-профессионал, преклонявшийся лишь перед количеством лошадиных сил танкового мотора, был потрясен дерзостью кавалерийского удара.

Январской ночью 1944 года в село Прудки ворвалась 14-я гвардейская дивизия генерал-майора Григория Коблова.

На рубеже 1943—1944 годов эта полесская

деревня стала часто упоминаться в донесениях по обе стороны фронта. В ней обосновался штаб тыла 3-й гитлеровской армии. В Прудках и окрестных лесах появилось 13 складов, куда немцы завезли снаряды, патроны, бензин, оружие, запчасти, белье, шинели, сапоги, медикаменты, продукты...

Появление гвардейцев Коблова в тыловом селе было неожиданным.

Гарнизон мирно спал. Бесшумно сняв часовых, кавалеристы с ходу прорвались к штабу. Разбуженные выстрелами, гитлеровцы в сумато хе метались по селу. Офицеры пытались организовать сопротивление, но их подразделения были быстро смяты. Многие фашистские пушки и танки так и не успели выстрелить. Через час в Прудках снова стало тихо. 2500 пленных, 500 грузовиков, 2000 лошадей — таковы были трофеи гвардейцев. Но самым главным успехом было уничтожение штаба и захват складов, где хранились трехмесячные запасы для 100-тысячной армии.

Не ослабляя наступательного порыва, дивизия устремилась на Мозырь. Справа и следом за ней шли еще две наши кавалерийские дивизии. Мощная оборонительная линия, возведенная немцами на восточных подступах к городу, быстро теряла свое значение.

Гитлеровцы до сих пор с дрожью вспоминают о тех днях. Генерал фон Бутлар пишет в мемуарах: «В этот район проникли крупные кавалерийские силы русских. Действуя здесь в отрыве от своих войск, они создавали постоянную угрозу коммуникациям армии и железной дороге Мозырь — Минск...»

Мозырь!.. Старинный белорусский город,

центр нашего довоенного укрепленного района, захваченный фашистами летом 1941 года, был основательно ими усилен. Попытки советских частей взять эту крепость ударом в лоб не удались. Мозырь прикрывала кольчуга из дотов и дзотов, минных полей и проволочных заграждений. Не было ни одной точки на подступах к городу, которая не простреливалась бы артиллерией или пехотой. А с запада немцам помогала природа: доты заменяла непроходимая лесная топь.

Командующий Белорусским фронтом приказал взять Мозырь с тыла. Поэтому глухой ночью 7-й гвардейский кавалерийский корпус, впереди которого двигалась дивизия генерала Коблова, прорвал фронт на стыке двух немецких группировок и ушел в рейд по вражеским тылам. Все произошло столь быстро, что гитлеровцы думали, будто заброшена небольшая партизанская группа, и не встревожились.

Пять суток двигались кавалеристы через болота. Без остановок. Стояли морозы, но трясина не замерзла. Валили деревья и вели по ним лошадей и тащили пушки. Ночью во мгле, днем в густом тумане. Кавалеристы не спали и почти не ели... Люди и лошади изнемогали от усталости, но гвардия шла вперед. И так 220 километров. Сидя в седле, генерал Коблов подбадривал бойцов: «Фашисты греются на печке, нос боятся высунуть на улицу, а мы нагрянем как снег на голову: принимайте гостей!» Генерал любил стремительные неожиданные удары и наносил их всегда в непогоду. Он помнил суворовское правило: «Удивить — победить».

Захват Прудков подтвердил эту солдатскую истину еще раз.

И вот по эскадронам пронесся призыв: «На Мозырь!»

Несмотря на изнурительный марш через болота, несмотря на жаркие схватки с фашистскими заслонами, которые пытались прикрыть бегство оккупантов, гвардейцы с ходу ворвались в город. Одновременно пошли в атаку наши фронтовые части. Немецкая оборона дрогнула...

Радио Москвы торжественно сообщило об очередной победе — о взятии Мозыря, главного центра сильно укрепленного оборонительного района.

Радостная весть прозвучала из репродукторов над Красной площадью, над гранитным Мавзолеем Ленина, над всей страной. А вечером столица салютовала гвардейцам 20 артиллерийскими залпами. Дивизия генерала Коблова была удостоена почетного наименования — Мозырская.

Ее полки двигались вновь на запад. И далеко разносилась по окрестностям песня 14-й гвардейской кавалерийской Мозырской дивизии:

Бомба нас сторонится,
Мина не берет,
Это наша конница
Гвардейская идет.
Стоит немцу дорого
Каждый взмах клинков.
Нас ведет на ворога
Генерал Коблов.

Эту песню написали гостившие в дивизии поэт Лев Ошанин и композитор Анатолий Новиков. Не думал самарский бедняк Петр Коблов, что о его сыне будут слагать песни! Посыльный в купеческой лавке, упаковщик в чай-

ной, кочегар, солдат царской армии — так начинал свой путь генерал.

...Прилетая изредка в Москву, генерал Григорий Коблов всегда приходил к Мавзолею Ленина. В памяти бывшего курсанта вставали встречи с Ильичем, самым человечным человеком. Он вспоминал тот день, когда вместе с Яношем Мейсарошем и Арсентием Кашкиным дал клятву над саркофагом. Эту клятву он не забывал ни в советских полках, где служил в 20-е годы, ни за границей, где выполнял специальное задание правительства, ни в Академии Генерального штаба, где его застала гитлеровская агрессия. Он помнил ее в Подмосковье и Сталинграде, Харькове и Варшаве — всюду, где пролегал его боевой путь. Генерал был шесть раз ранен и один раз тяжело контужен, но снова возвращался в строй. Москва 15 раз салютовала его лихим кавалеристам... Ветеран, прошедший четыре войны, сохранявший хладнокровие под ураганным огнем, около Мавзолея не всегда мог сдержать слезы.

Побывав у Мавзолея, он улетал обратно на фронт, чувствуя особое вдохновение, чувствуя, что стал тверже и сильнее.

Бывая в Москве, он всегда набирал номер телефона, который помнил с довоенных времен.

— Есть ли вести от Яноша? — с тревогой спрашивал женщину, снимавшую трубку.

— По-прежнему никаких,— слышал знакомый, но непривычно грустный голос.

Он хотел ободрить жену друга, говорил, что на фронте всякое бывает: например, человек не пишет — некогда или нельзя, а потом — находится.

На рассвете 25 апреля 1945 года передовые

части 14-й гвардейской кавалерийской дивизии вышли на восточный берег Эльбы. Разгромив отчаянно сопротивлявшихся фашистов, мозырцы завершили на своем направлении оперативное окружение берлинской группировки врага.

Гвардейцы Григория Коблова поили донских коней в Эльбе.

РАЗВОДЯЩИЙ ЯНОШ МЕЙСАРОШ

К фашистским окопам полз человек. Он дождался, когда стемнело, осторожно выбрался на бруствер и пополз на запад. Наши пехотинцы открыли по беглецу огонь. С той стороны ответили. Человек замер. А когда все утихло, тронулся дальше... Он полз под свист пуль, пряча голову в плечи и лишь изредка вглядываясь вперед, туда, где должны были быть окопы венгерского экспедиционного корпуса.

Хортистский офицер разглядел в бинокль шпалы в петлицах русского. Увидел, как тот остановился, как, не приподнимаясь, вынул из ушанки белый платок и, держа его в руке перед собой, снова пополз. Парламентеры не передвигаются по-пластунски. Офицер приказал не стрелять. Перебежчик перевалил через бруствер и съехал в окоп. Тяжело дыша, сказал: «Я венгр... Бежал от русских...»

В штабе он рассказал:

— Меня зовут Янош Мейсарош. В первую мировую войну попал в русский плен. Остался в Советской России. Лишь потом понял свою ошибку, да было поздно: вырваться оттуда было почти невозможно. У меня в Венгрии мать, сестра... Я мадьяр, и моя родина там, а не

здесь. Я разочаровался в большевизме. Давно хотел бежать, но не было подходящего случая...

Он помолчал и продолжал:

— В молодости я натворил много ошибок, но теперь надеюсь, что смогу послужить родине. Я 25 лет прожил в России. Окончил кремлевскую школу командиров, один из факультетов ветеринарного института. В совершенстве знаю русский язык...

— Большевистский шпион, ты не можешь называться венгром! — сказал ему хортистский генерал.

Допрос следовал за допросом. Офицеры контрразведки требовали, чтобы «большевистский агент» сказал, кто его послал и с каким заданием. Они угощали его венгерским коньяком и сигаретами. Они говорили, что мадьяры — одна семья, что он, бедный парень, натерпелся у большевиков и теперь должен чистосердечно рассказать, с каким заданием его послали, и тогда родина простит его. Мейсарош не отказывался от угощений, но в ответ повторял то же, что сказал в первый день. Офицеры начинали стучать кулаками по столу, грозили трибуналом, но он, похудевший и осунувшийся, говорил, что только теперь осознал всю глубину своей вины и готов принять любую кару.

Тем временем служба безопасности в Будапеште сообщила, что в ее картотеке числится Янош Мейсарош, бывший унтер-офицер австро-венгерской армии, попавший в русский плен летом 1916 года. В гражданскую войну в России служил в Первой Конной армии красных. В 1938 году уволен из Красной Армии... Престарелая мать, которой показали фотографию

перебежчика, узнала своего сына, считавшегося давно погибшим.

Через несколько дней Мейсарошу выдали форму офицера хортистской армии. Специалист по России, отлично говорящий по-русски, он мог пригодиться. Командующему венгерским корпусом давно нужен был хороший переводчик. Агенты разведки, на всякий случай следившие за Мейсарошем, отмечали большое служебное рвение...

Когда рейхсмаршал Геринг посетил хортистские части, ему с гордостью представили человека, прожившего 25 лет в Советской России и недавно бежавшего оттуда.

...А в это время в Москве Зинаида Архиповна Мейсарош ждала писем от мужа. Единственная открытка пришла в декабре 1941 года, два года назад, когда он вышел из окружения. «Некоторое время я могу не давать о себе знать,— писал он,— но ты не волнуйся».

Зимним вечером 1943 года в квартиру позвонили. Незнакомый мужчина спросил Зинаиду Архиповну Мейсарош. Они прошли в комнату, и там она увидела удостоверение сотрудника органов государственной безопасности. «Янош?» — тревожно забилось сердце.

Получает ли она какие-либо известия от мужа? Нет, на все ее запросы военкомат отвечает: «Пропал без вести». Гость говорил мало. Он вынул из кармана листок бумаги. Зинаида Архиповна узнала бы этот почерк среди тысячи других... Рука ее Яноша! Она впилась глазами в строчки... «Я жив и здоров. Обо мне не беспокойся». Вот и все. Письмо оказалось всего четырехмесячной давности!.. Значит, жив! Несколько строк, но все равно они, как солнце,

вошли в московскую квартиру и залили ее ярким светом и теплом. И немногословный чекист стал казаться Зинаиде Архиповне очень близким и дорогим. Можно ли написать ответ? Пока нет... Прощаясь, гость сердечно пожал ей руку и ушел, так ничего и не сказав о Яноше.

...Фронт катился на запад. Почти каждый вечер Москва салютовала доблестным дивизиям и корпусам. В победных сообщениях не упоминалось имени Яноша Мейсароша. Но в победах наших войск была лепта бесстрашного контрразведчика. Штабист, он был ближе к противнику, чем солдаты на передовой. Их отделяет от врага нейтральная полоса, а он ходил между врагами. Он жал им руки, когда хотелось душить за горло, улыбался, когда все в нем клокотало от гнева. Он не знал затишья после жаркого боя — он сражался всегда, днем и ночью. Неделями некому было сказать привычное и дорогое слово «товарищ» — от встречи до встречи с советскими подпольщиками на явочных квартирах, где он передавал добытые сведения. Но самым тяжелым испытанием, от которого избавлены солдаты на передовой, были обязанности переводчика при допросах советских патриотов...

Янош был венгром. Он хотел видеть Венгрию свободной и счастливой. Не страной сиятельных господ, отпрысков графов и баронов, веками привыкших презирать «неотесанных дубин» — мужиков и мастеровых... Тогда, в Мавзолее Ленина, Янош Мейсарош поклялся, что он не пожалеет жизни, чтобы Венгрия стала страной рабочих и крестьян.

Он пронес эту клятву через московские казармы Особой кавалерийской бригады, где слу-

жил в 20-е годы, через степи Монголии, где помогал создавать регулярную конницу, через боль неожиданного увольнения из Красной Армии. В 1938 году его демобилизовали, как иностранного подданного. Но Янош помнил, что Ленин не спрашивал о подданстве и национальности часового Мейсароша, неоднократно охранявшего его кабинет-квартиру. Ильич всегда говорил Яношу: «Здравствуйте, товарищ курсант!»

Когда грянула Отечественная война, Янош Мейсарош пошел добровольцем в народное ополчение.

...Война шагала уже по Венгрии. Глядя на потерявших былую спесь хортистских офицеров, Янош Мейсарош вспоминал пламенные стихи Петёфи:

Вставай, мадьяр! Зовет отчизна!
Выбирай, пока не поздно:
Примириться с рабской долей
Или быть на вольной воле?

В октябре 1944 года отдельные генералы 1-й венгерской армии, в том числе ее командующий, предвидя неминуемый разгром, установили контакт с советскими частями. Венгрия срывала «одежды унижения и позора», в которые ее облекли продажные правители. Вновь сформированный мадьярский Будайский полк шел в бой бок о бок с Красной Армией.

Лишь в окруженном Будапеште продолжали сражаться с упорством обреченных банды салашистов — членов фашистской организации «Скрещенные стрелы». Каждую ночь над городом гудели тяжелые транспортные самолеты гитлеровцев. Они сбрасывали продукты и боеприпасы своим солдатам, запертым в Буде. Бло-

кированные непрерывно вели огонь по освобожденному Пешту, по его площадям и улицам.

В одну из таких ночей Янош Мейсарош, захватив штабные документы, двинулся навстречу советским частям. Но из-за ожесточенных боев перейти фронт не удалось. Несколько дней он скрывался в подвале дома среди жителей, спасавшихся от снарядов и бомб. Но война врывалась и под землю: салашисты прочесывали подвалы, забирая под ружье даже пятнадцатилетних подростков. Матери с отчаянием и ужасом смотрели, как уводят их мальчиков на бессмысленную гибель, когда проигранная война должна вот-вот кончиться. Янош собрал юношей, находившихся в подвале, и сказал им: «За что сражаться? За немцев, которые втянули Венгрию в эту проклятую войну? Русские все равно придут сюда... Где ваши отцы, Лайош и Матиас? — Убиты на фронте... А твой, Антал? — Пропал в гестапо... Доколе мадьяры будут пушечным мясом для немцев?» Ребята и Янош Мейсарош заперлись в одном из глухих помещений подвала, где им не были страшны никакие облавы.

И вот долгожданный момент: в дверь подвала яростно застучали прикладами. С улицы доносились русские слова. К солдатам, разгоряченным боем, вышел мужчина в венгерской военной форме, без погон. Стоя под дулами автоматов, он неожиданно для бойцов сказал по-русски: «Здравствуйте, товарищи!» И добавил: «Можете убрать оружие — здесь только женщины и дети». Это был Янош Мейсарош. Он попросил отвести его в штаб. Матери даже не успели поблагодарить Яноша за спасенных сыновей.

Над Будапештом трепетали красные флаги... 20 лет назад на обороте фотографии, где был изображен весь выпуск кремлевских курсантов-кавалеристов 1924 года, друзья написали товарищеские пожелания Яношу Мейсарошу. Первую надпись он запомнил: «Из Москвы в Будапешт, но только под знаменем революции». И вот это пожелание сбылось.

Майор Мейсарош ходил по Буде и Пешту, вспоминал свою молодость. Он заходил в местные комитеты управления, он рад был видеть там рабочих и крестьян, цвет венгерской нации — бывших заключенных хортистских тюрем и концлагерей, подпольщиков, ветеранов русской гражданской войны и героев испанских интернациональных бригад.

В феврале 1945 года Зинаида Архиповна получила третье письмо от Яноша. Оно, как и те два, было немногословным, но не содержало прежних недомолвок. И когда вскоре вновь позвонил Григорий Коблов, он услышал радостный женский голос. «Зина, готовь хороший обед и купи билеты в Большой театр»,— прочитала она письмо Яноша.

Они встретились на московской квартире Мейсарошей. Крепко обнялись генерал и майор. Их волосы тронула седина. На лицах появились морщины, им было уже под 50. Но они остались все теми же солдатами революции, молодыми душой и сердцем.

БЕССРОЧНЫЙ ПРОПУСК АРСЕНТИЯ КАШКИНА

Я уже знал все подробности жизни Григория Коблова и его друга Яноша Мейсароша, но пи-

кто ничего не мог сказать о судьбе Арсентия Кашкина.

Было лишь известно, что, окончив кремлевскую школу имени ВЦИК, он уехал сражаться против басмачей. С тех пор его никто не видел.

Ответ могли дать архивы, но, к сожалению, документы 6-й Алтайской бригады, куда назначили первого часового, не сохранились.

О своих поисках я рассказал в воскресном приложении к «Известиям» — «Неделе». После появления статьи долго ждал: может быть, откликнется Кашкин, если жив, или сообщат что-либо люди, знающие о его судьбе.

Прошел месяц, два месяца — никаких вестей...

Но вот мелькнул луч надежды: сотрудница Центрального архива Советской Армии Г. А. Смирнова нашла учётную карточку А. В. Кашкина, заполненную штабом Туркестанского фронта. Из нее явствовало, что с января 1925 года он командовал взводом 77-го кавалерийского полка. На полях была карандашная пометка: «Откомандирован в войска ОГПУ с 22. V — 26 г.». Следовательно, дальнейшие поиски в этом архиве были бесполезны. Предстояло копаться в двух хранилищах, где собраны документы ОГПУ.

А в это время в 3000 километрах от Москвы, в одной из больниц города Фрунзе, произошел такой разговор. Медсестру Зинаиду Алексеевну Кашкину спросили: «Не о твоем ли Арсентии написано в «Неделе»?» «Конечно, нет»,— отмахнулась она. Но все же поинтересовалась: «А про что там?» — «Про похороны Ленина». Тогда она попросила принести ей очерк. Муж не раз рассказывал, как стоял в почетном воинском ка-

рауле у гроба вождя в Доме Союзов и на Красной площади.

...Вскоре мне позвонили из «Недели» и попросили срочно приехать в редакцию, так как получили интересное письмо.

Житель города Фрунзе Арсентий Владимирович Кашкин убедительно просил прислать фотографию его товарищей по эскадрону, опубликованную в «Неделе», и адрес друга своей боевой молодости Гриши Коблова.

За 6 часов «ИЛ-18» доставил меня во Фрунзе.

...Автомобильные фары вырывали из вечерней тьмы номера белых домиков пустынного переулка. Вот — № 4. Затормозили у калитки... За низким забором залаяла собака. На земле около дома вспыхнул электрический квадрат. Кто-то вышел... Из тьмы показалась пожилая женщина в наброшенном на плечи платке.

— Арсентий Владимирович дома? — спросил я.

— Дома,— ответила она.

Дома... Не верилось, что лишь пятиметровая тропинка отделяет меня от Арсентия Кашкина.

Худощавый мужчина читал за столом газету. Он стал жадно рассматривать привезенную мной фотографию почетного караула курсантов.

— Это Гриша Коблов... Это Мейсарош. А это кто? Кажется, наш командир дивизиона...

Мы проговорили допоздна.

Летом 1934 года в киргизский совхоз «Тон» приехал новый директор — бывший пограничник, с черной повязкой на правом глазу.

В обкоме партии его предупредили, что прежние руководители, среди которых оказал-

ся бывший сотрудник колчаковской контрразведки, развалили «Тон»... Бесследно исчезали отары. «Отход поголовья», как обтекаемо называли падеж и хищение овец, достигал нескольких тысяч в год. Кулаки и просто расхитители привыкли к безнаказанности, считая, что от их мест «до бога — высоко, до Москвы — далеко».

Арсентий Кашкин понимал, что здесь, на фронте классовой борьбы, остается верной армейская поговорка «один в поле не воин». Он собрал коммунистов и рабочих. «Как будем поднимать совхоз, товарищи?» Бывших руководителей убрали. Но остались их подпевалы, остались насажденные ими взгляды на народное добро... Стоило овце слегка захромать — ее прирезали как «больную». Большинство заведующих фермами, по примеру прежних руководителей, чувствовали себя этакими князьками и не отличали государственное от личного. Так говорили на собрании коммунисты и рабочие. Они сообща, коллективным умом нащупывали верную дорогу. Во главе ферм были поставлены честные труженики.

Через год падеж скота уменьшился в десять раз, и совхоз впервые дал свыше миллиона рублей прибыли. Это стало правилом.

Занятый хозяйственными делами, директор редко рассказывал о своем прошлом. Как и миллионы коммунистов, он жил заботами о сегодняшнем и завтрашнем днях родной страны.

...Окончив кремлевскую школу с отличием, Арсентий Кашкин имел право выбирать место службы. Ему предлагали заманчивые варианты — Ленинград, Киев. Но он попросил направить его туда, где еще кипели бои, где Красная Армия добивала последние очаги контрреволю-

ции. Немало басмачей полегло от шашки краскома 77-го кавалерийского полка. Весь 1925 год прошел в схватках с бандами, уходившими от открытых сражений и предпочитавшими налетать из-за угла. Но прошлое было обречено. Дехкане, веками угнетаемые эмирами и беками, с радостью приветствовали своих защитников — кзыл аскарляр (красных бойцов). Редели банды басмачей. Бои перемещались к границе, и курбаш бухарского эмира Ибрагим-бек переносил базы за кордон...

Летней ночью 1930 года маневровая группа 47-го пограничного отряда была поднята по тревоге: застава просила помощи. Через несколько минут заместитель начальника группы Арсентий Кашкин и два эскадрона мчались к пограничной реке Пяндж. Кони шли переменным аллюром, и в три часа ночи кавалеристы были на месте. К тому времени застава отбила первый натиск басмачей и отогнала их в камыши афганского берега... Ночью бандиты вновь двинулись в нашу сторону, но уже в 15 километрах ниже по течению реки. Они лежали на дне лодок, чтобы избежать пуль. Кавалеристы Арсентия Кашкина решили подпустить врагов поближе и тогда забросать гранатами. Вот уже видны их силуэты, заметны осторожные взмахи весел, морды плывущих сзади лошадей. Гулко прогремели разрывы лимонок. Арсентий Кашкин с радостью увидел барахтающихся в стремительной реке басмачей. С того берега ударили пулеметы. Им ответили наши. Пули цокали о прибрежные валуны. Когда Арсентий Кашкин докладывал командиру маневровой группы о ходе боя, сильная резь заставила машинально схватиться за правый глаз. Отняв руки, он уви-

дел на ладонях капли крови — осколок басмаческой пули попал в зрачок...

Самолет увез краскома в ташкентский госпиталь. Чтобы спасти второй глаз, врачи удалили раненый.

...Летом 1937 года в кабинет директора совхоза «Тон» прошли работники НКВД. Они показали телеграмму прокурора. Директор, занятый делами, не сразу понял, что случилось. Оторвался от бумаг и спросил:

— За что?

— Сам должен знать за что...

Начали обыск. Арсентий Кашкин был спокоен: его совесть чиста перед партией, перед страной, ошибка работников НКВД будет исправлена.

Слыша гул голосов под окнами, директор понимал недоумение рабочих. Он вышел на крыльцо и сказал:

— Товарищи! Я еду в районный центр. Скоро вернусь.

Он верил в это. Его беспокоило лишь одно: как бы без него совхоз не сдал завоеванных позиций...

Кашкина приговорили к 15 годам тюрьмы за «индивидуальное и групповое экономическое вредительство», в частности за то, что обвалилась пристань Иссык-Кульского пароходства, за которую отвечали... речники. Обвинение было тем более нелепо, что ему не смогли сделать ни одного упрека за руководство совхозом.

Стойкий характер человека скажется всегда, в любых, самых трудных обстоятельствах. Арсентий Кашкин продолжал бороться за свою честь гражданина и коммуниста, требуя пересмотра дела, не идя ни на какие компромиссы с

совестью. Это помогло адвокату Александру Рязайкину, тоже бывшему пограничнику, добиться отмены несправедливого приговора.

Летом 1939 года коммунист А. В. Кашкин был назначен директором совхоза «Оргочер». Он принял хозяйство убыточным, а уже через год оно дало прибыль. Кремлевский часовой не жалел сил, чтобы крепла и мужала страна, «которую завоевал и полуживую вынянчил».

Не раз директор совхоза Арсентий Кашкин выступал против администрирования и шаблона. И доставалось же ему от «вышестоящих» бюрократов! Но он знал: государство ждет не галочек в сводке, а хлеба и мяса. Работники совхоза старались сеять ни раньше и ни позже, а в лучший срок, свой у каждого района.

У каждого человека есть мечта. Была она и у Арсентия — учиться. Но волны революционной бури кидали его из одного сражения в другое... Одиннадцать лет в армии. После ранения оставляли в штабе, но решил демобилизоваться, чтобы засесть за учебники. Помнил слова Ильича: учиться, учиться и учиться. Однако Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) объявило коммуниста Кашкина мобилизованным. Сказали: «Поднимешь совхоз — направим на учебу». Он работал, как поэт, создающий любимую поэму. Праздниками для него были не выходные дни, а наполненные кипучими радостями и тревогами будни. Он видел, как «подымается социализм живым, настоящим, правдашним». И это было высшей наградой. Казалось, скоро можно и в вуз. Но наступил 1937 год, потом — война. Таковы университеты Арсентия Кашкина.

...И, может быть, потому, что самому пришлось мало учиться и не раз чувствовал, как не-

обходимы знания, он всегда доброй улыбкой провожал ребят, важно шагающих в школу. И когда в 1957 году его, по семейным обстоятельствам поселившегося в городе Фрунзе, направили на работу в Киргизское учебно-педагогическое издательство, он был рад, что станет делать для детей хорошие, красочные учебники — учитесь, читайте, узнавайте! И кем бы ни работал — заведующим производственным отделом, заместителем директора издательства, он оставался солдатом партии.

А. В. Кашкин никогда не разграничивал наше общее дело на «мое» и «не мое». В Киргизучпедгизе и типографиях города Фрунзе знали его требовательность и принципиальность.

Если человек ошибался — Кашкин помогал исправиться, если совершал подлость — не глядел на чины.

Арсентий Владимирович считал: ради чистоты нашего большого дела, ради государственной копейки и поругаться можно, и несправедливое слово выслушать. Ради этого он на партийных собраниях, кому нужно, говорил правду в глаза, выступал в газете, шел в райком... За эту непримиримость и уважали старого коммуниста, дорожили его трудом.

...Однажды в издательство пришло письмо:

«Уважаемый Арсентий Владимирович! Коллектив типографии № 2 с чувством глубокого уважения выражает Вам чистосердечную признательность. Мы поздравляем Вас в день Вашего шестидесятилетия, с благодарностью оцениваем Ваш труд в системе полиграфии и издательства и желаем доброго здоровья и многих лет жизни и хороших успехов в работе».

Тогда, в день шестидесятилетия, на торже-

ственном вечере юбиляру вручили поздравления от Министерства культуры Киргизии, типографий № 1 и № 2, Киргизучпедгиза и Киргизгосиздата. Были речи, цветы, тосты. Скромный человек, А. В. Кашкин не любил рассказывать о себе, и никто не знал, что чествуют бывшего кремлевского курсанта, охранявшего вождя революции В. И. Ленина, конгрессы Коминтерна, и одного из первых часовых вечного караула у Мавзолея Ильича. О тех годах Арсентий Владимирович охотно рассказывал только шестилетней внучке Оле.

НАЧАЛЬНИК КАРАУЛА

Июльским днем 1941 года на вокзале во Владимире, переполненном военными, кто-то окликнул ополченца Яноша Мейсароша. Капитан оглянулся и увидел высокого стройного генерала. Мейсарош сразу узнал начальника первого почетного караула у Мавзолея Ленина, бывшего командира кавалерийского дивизиона школы имени ВЦИК — Николая Дрейера.

— Ты что тут делаешь? — спросил его генерал.

— Я на формировании, в пехоте,— ответил Янош.

— Какой ты пехотинец! — воскликнул Дрейер.— Ты прирожденный кавалерист. Иди ко мне в дивизию!

Они зашли к коменданту вокзала. Генерал позвонил в часть Яноша и сказал, что забирает капитана Мейсароша в свою кавалерийскую дивизию командиром эскадрона.

В начале августа первый начальник и первый разводящий почетного караула у Мавзо-

лея Ленина вместе выехали на фронт в эшелоне 45-й отдельной кавалерийской дивизии.

...В отличие от первых часовых поста № 1 — детей батраков и от первого разводящего — сына железнодорожника, первый начальник почетного караула у Мавзолея Ленина писал в анкетной графе «социальное происхождение» — дворянин.

Николай Дрейер родился 25 октября (7 ноября) 1891 года в Тифлисе, в семье офицера, дослужившегося позднее до полковника. Отец и мать горячо любили сына. В день рождения Коленьки в семье Дрейеров всегда было шумно и весело. Родители и гости, зная мечту мальчика стать военным, дарили ему игрушечные пистолеты и шашки, детские военные костюмы — то форму гусара, то улана. День рождения Коленьки был самым любимым и радостным праздником в семье Дрейеров. И никто не знал, что через несколько лет в этот день — 25 октября (7 ноября) — совершится великая революция, которая отменит дворянские и офицерские привилегии, провозгласит равенство всех граждан России и сделает Николая Дрейера генералом Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Никто не знал, что все последующие годы этот день будет отмечаться в семье Дрейеров как двойной праздник — день рождения Николая и день рождения социалистической республики.

Октябрьская революция совершилась в тот день, когда штабс-ротмистру Николаю Дрейеру исполнилось 26 лет. Боевой офицер командовал эскадроном 6-го уланского полка и имел пять орденов. В семье, в кадетском корпусе, в юнкерском училище его воспитывали в духе вер-

ности царю и отечеству. Однако три года, проведенные в боях, не прошли бесследно для умного и честного человека, горячо любящего свою родину. Молодого офицера возмущало, что во главе армии поставлены бездарные генералы, обрекавшие ее на поражение и бессмысленные жертвы, его возмущало казнокрадство армейских чиновников, не дававших фронту снарядов и патронов, шинелей и сапог. Он понял, что государственная машина России заржавела, что страна нуждается в очистительной буре, в коренном обновлении.

Человек демократических взглядов, Николай Дрейер сблизился с революционно настроенными солдатами, познакомился с нелегальной литературой. Он понял, что к «защите отечества» особенно рьяно призывают те, кто хочет сохранить старые порядки и приумножить свои капиталы на крови и страданиях фронтовиков. Так постепенно Дрейер становился противником самодержавия и империалистической войны. После свержения царизма уланы избрали его командиром эскадрона.

Николай Дрейер видел, как восторженно приветствовали солдаты Октябрьскую революцию: сбывались вековые чаяния народа. Лозунги большевиков, звавшие в царство свободы, равенства, братства, рождали в душе великую надежду. Советская власть указывала народу выход из тупика, путь к экономическому и культурному прогрессу.

И такою влекла она
верой,
что ее вихревую зарю
защищали подчас офицеры,
присягавшие прежде царю.

2 марта 1918 года Николай Дрейер добровольно вступил в молодую Красную Армию.

Сначала ему доверили скромную и далеко не боевую должность помощника начальника снабжения военного комиссариата Кирсановского уезда на Тамбовщине. Однако безоговорочное и искреннее признание Советской власти, преданность делу и твердое проведение революционных мероприятий в уезде создали Дрейеру заслуженный авторитет. Вскоре его назначили начальником полковой школы, командиром эскадрона, командиром кавалерийского полка. Он храбро сражался против Дутова, Антонова и басмачей.

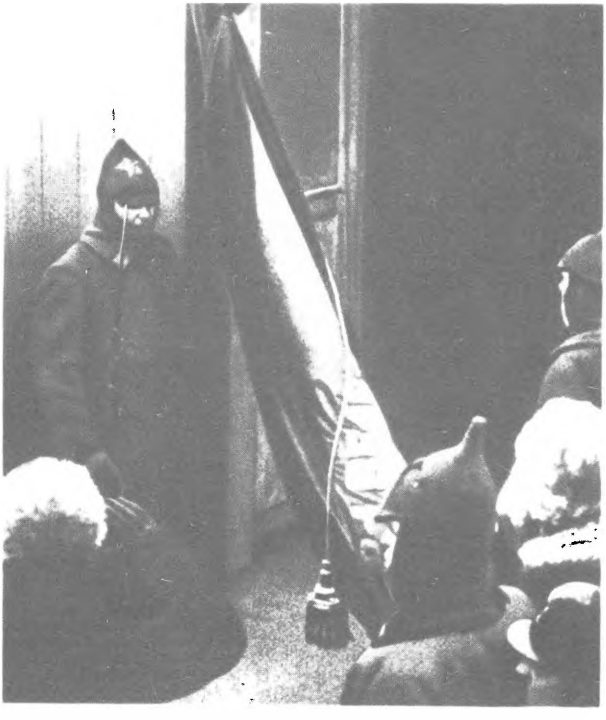
В Красной Армии служило около 50 тысяч бывших офицеров. В ноябре 1919 года газеты опубликовали речь В. И. Ленина, который дал высокую оценку их роли в создании армии нового типа. «Вы слышали о ряде блестящих побед Красной Армии,— сказал Ленин.— В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии» [1].

В октябре 1921 года в личном деле Н. Дрейера появилась первая благодарность революционного командования.

...14 ноября 1923 года Николай Дрейер был назначен командиром кавалерийского дивизиона кремлевской военной школы имени ВЦИК. Кремль — сердце революции, там работает Советское правительство, живет и трудится Ленин... Служить в Кремле — высокая честь. И Дрейер воспринял новое назначение как награду.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 313.



Первые часовые у входа в Мавзолей Ленина — курсанты Григорий Коблов (слева) и Арсентий Кашкин. Через несколько секунд под стон гудков и орудийный салют мимо них медленно пронесут красный гроб с навеки уснувшим вождем. (Кадр из документального кинофильма.)

М. И. Калинин выходит из Мавзолея после того, как там был установлен гроб с телом Ильича. У входа — усиленный воинский караул. (Кадр из документального кинофильма.)

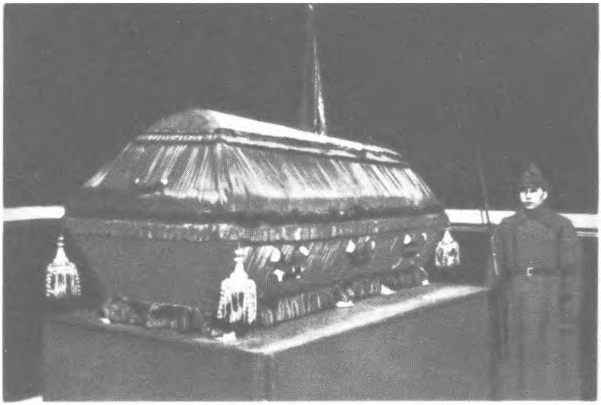
Первый часовой у Мавзолея Ленина — Григорий Петрович Коблов (слева — в 1924 году, справа — в 1984 году)

ПОЧЕМУ

Первый часовой у Мавзолея Ленина —
Арсентий Владимирович Кашкин (сверху — в 1927 году, внизу — в 1974 году)

Первый разводящий вечного караула
у Мавзолея Ленина — Янош Мейсарош
(слева — в 1926 году, справа — в 1947 году)

Начальник первого почетного караула
у Мавзолея Ленина —
Николай Михайлович Дрейер (сверху — в 1924 году,
внизу — в 1965 году)



Единственный часовой, сфотографированный на посту в Траурном зале,— курсант И. В. Суровцев. Январь 1924 года

Копия постовой ведомости почетного караула у Мавзолея Ленина 28 января 1924 года

Курсант Д. Гордеев
(1924 год)

Генерал-лейтенант
Д. Гордеев (1955 год)

Бывшие часовые поста № 1
Герой Советского Союза генерал-майор Е. Г. Коберидзе
Дважды Герой Советского Союза
гвардии генерал-полковник А. И. Родимцев

Два боевых друга — полковник С. Ф. Шутов (слева) и генерал-полковник И. А. Кузовков. В 1925 году вместе стояли лицом к лицу в почетном карауле у Мавзолея Ленина.

Генерал-майор авиации
Г. И. Тхор

Герой Советского Союза
генерал армии
А. Ф. Щеглов

Герой Советского Союза
Д. К. Шишков

Отец и сын. Слева — красноармеец Павел Ражев, павший в боях за Москву осенью 1941 года; справа — его сын ефрейтор Юрий Ражев, вставший на пост № 1 через 20 лет после отца

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ
РОДИНУ

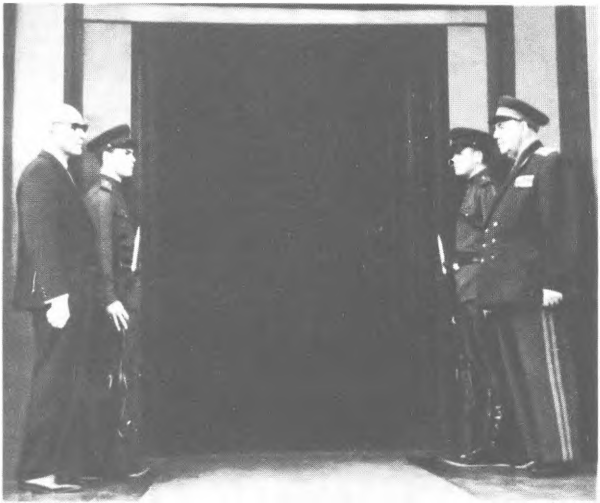
Герой Советского Союза
генерал-майор
В. А. Борисов

Герой Советского Союза
генерал-полковник
танковых войск В. В. Бутков

Герой Советского Союза
генерал-майор
Л. Д. Чурилов

Дважды Герой Советского
Союза полковник
А. А. Головачев

Через каждый час — ночью и днем, в зной и стужу — чеканит шаг новая смена часовых...
И так уже 61 год. И так будет вечно



На том же посту через 40 лет. Первые часовые вечного караула генерал-майор Г. П. Коблов и А. В. Кашкин на почетной вахте 17 сентября 1964 года

Пионеры на посту № 1

Этот людской поток начинается на тротуарах
всех городов мира, на тропинках всех гор и долин...
За 61 год усыпальницу Ильича посетило
свыше 100 миллионов человек

Увидеть Ленина! Это было самым сильным желанием красного командира. Но Ильич тогда был серьезно болен и находился в Горках.

«С замиранием в сердце следит весь пролетариат за сводкой, которая нам приносит сведения о здоровье горячо любимого вождя В. И. Ленина,— писала курсантская газета «Кремлевец», выражая чувства всех учащихся и командиров школы имени ВЦИК.— Каждый, кому дорога рабоче-крестьянская власть, кому дорого рабочее движение, понимает... как Ильич дорог для каждого честного труженика...»

Командир кавалерийского дивизиона надеялся, что скоро вождь революции выздоровеет и снова будет жить и работать в Кремле. Ведь совсем недавно, 19 октября, всего за три недели до назначения Н. Дрейера в школу имени ВЦИК, Ленин приезжал в Кремль.

Очевидцы с радостным волнением рассказывали Дрейеру, как Владимир Ильич зашел к себе на квартиру, заглянул в зал заседаний Совнаркома, расположенный рядом, постоял немного, оглядел все вокруг, побывал в своем кабинете, отобрал несколько книг в библиотеке, спустился во двор, сел в автомобиль...

Николай Дрейер надеялся: в один прекрасный день все это может повториться!

Но 21 января 1924 года пронеслась страшная весть: Ленин умер. «Чувство было такое,— вспоминал много лет спустя Н. М. Дрейер,— словно мы вдруг осиротели... Кремлевские курсанты и командиры прошли через пекло фронтов. Это были стальные конники. В одном бою — рука не дрогнула — зарубили сотни беляков. А тут в жуткой тишине казарм раздались рыдания. В разговорах звучали боль, го-

товность на все, лишь бы вернуть ушедшего вождя: «Лучше бы наш дивизион скосили целиком, а Ильич жил!»»

В 1932 году командир полка Особой кавалерийской бригады Н. Дрейер был принят кандидатом в члены ВКП(б). Вскоре, как известно, прием в партию был временно приостановлен. В 1938 году старший преподаватель кафедры общей тактики Военной академии имени Фрунзе комбриг Н. Дрейер стал коммунистом. А фактически он уже двадцать лет был бойцом ленинской партии.

...8 мая 1945 года 6-й гвардейский Дунайский стрелковый корпус генерал-лейтенанта Н. М. Дрейера вступил в австрийский город Грац. Война заканчивалась, и комкор мысленно окинул взором пройденный путь.

Три с половиной года боев, тысячи километров фронтовых дорог. От смоленских лесов до Австрийских Альп.

...2 октября 1941 года немцы бросили на Москву 75 дивизий, 1700 танков и 1390 самолетов. Гитлер возвестил всему миру: «Сегодня начинается последняя решающая битва этого года».

45-я отдельная кавалерийская дивизия генерала Дрейера была послана в образовавшийся прорыв.

«3 октября, будучи выдвинут из резерва на правый фланг 19-й армии, когда уже совершился прорыв фронта, в упорных боях удерживал свой участок,— говорится в автобиографии Н. М. Дрейера в его личном деле.— Но противнику удалось 4-го или 5-го загнуть мой правый фланг. Маневр для удара по флангу противни-

ка мне сделать не разрешили...» Обстановка стремительно менялась. 19-я армия героически сдерживала противника, а ее правый сосед — 30-я — была смята и фактически перестала существовать как единое целое... Масса отступавших пехотинцев захлестнула кавалерийские полки Дрейера, брошенные на прикрытие Соловьевской переправы через Днепр, и увлекла их за собой... У комдива оставался резервный полк. Но в этот момент генерал был отозван в штаб фронта.

«Обстановка сложилась тяжелая,— писал Дрейер в автобиографии,— и командующий фронтом маршал Конев приказал мне и генералам Лебеденко и Щербакову, находившимся в резерве, организовать отходящие части и прикрыть Можайское направление, что я и сделал, ведя тяжелые бои в районе восточнее Гжатска, удерживая противника с незначительными сборными силами». Роты, наспех сколоченные Николаем Дрейером и другими командирами из отступавших и выходивших из окружения бойцов, стояли насмерть. Они знали: окруженные дивизии дерутся, сковав врага, но до самой Москвы советских войск почти нет, защищать ее пока некому. 12 октября генерал Дрейер был контужен, почти ослеп, и его увезли в госпиталь [1].

[1] В те горячие дни разминулись походные дороги первого начальника и первого разводящего почетного караула у Мавзолея В. И. Ленина. Капитан Мейсарош, пробившись с эскадроном к Соловьевской переправе, помогал перебрасывать через реку отходившие части и боевую технику, чтобы она не досталась фашистам. 2 декабря 1941 года, после двухмесячного марша по немецким тылам, он с горсткой бойцов вышел из окружения.

Летом 1942 года врачи признали Н. Дрейера годным к нестроевой. Но разве мог генерал смириться с такой судьбой? Назначенный заместителем командующего 4-й резервной армии по тылу, он после ряда настойчивых просьб добился возвращения на строевую службу.

...25 февраля 1944 года генерал Дрейер был назначен командиром 20-й гвардейской Криворожской стрелковой дивизии. Под руководством комдива-кремлевца 20-я гвардейская прославила свое имя многими блистательными победами. На плечах отходящего противника она первой форсировала Днестр южнее Тирасполя. Позднее с захваченного ею Кицканского плацдарма началось наступление 3-го Украинского фронта в Ясско-Кишиневской операции; действуя на главном направлении, 20-я гвардейская дивизия первой прорвала фронт и вместе с соседними частями разгромила фашистских танкистов, захватив 19 танков и самоходок и 12 000 пленных.

Пройдя в великом освободительном походе по дорогам Румынии, Болгарии, Югославии, гвардейцы Николая Дрейера выбили фашистов из венгерских городов Печ и Сигетвар и с боями вышли к озеру Балатон.

6 марта 1945 года гитлеровцы начали здесь сильное контрнаступление, пытаясь закрыть Красной Армии путь в Австрию и Южную Германию, где находились их последние военные заводы. Многое напомнило Н. Дрейеру незабываемые октябрьские бои 1941 года под Москвой. Как и тогда, фашисты стремились мощным танковым тараном рассечь, окружить и уничтожить наши войска... Но «котел» под Вязьмой повторить не удалось.

«Будучи выдвинут с дивизией из резерва,— читаем в автобиографии Н. Дрейера,— ликвидировал прорыв... на участке 6-го гвардейского стрелкового корпуса и восстановил положение...» Закаленные в огне сражений, гвардейцы отбили все атаки танков и пехоты. Не считаясь с потерями, гитлеровцы вводили в бой новые части. Но криворожцы упорной и активной обороной измотали и обескровили противника. 20-я гвардейская, свидетельствует «Советская военная энциклопедия», «в Балатонской оборонительной операции... во взаимодействии с другими соединениями... стойко отражала наступление группировки немецко-фашистских войск...» А затем, двинувшись вперед, гвардейцы Н. Дрейера вместе с кавалеристами захватили нефтеносный район Надьканижа, лишив гитлеровцев одного из последних источников горючего. Фашисты так поспешно удирали, что не успели взорвать нефтепромыслы, хотя все подготовили для этого.

В пламени боев родился «Марш 20-й гвардейской», написанный старшиной Мамонтовым:

Вперед победной лавою
За счастье и народ
20-я со славою
В победный бой идет.

Громит фашистских гадов
Огня прицельный шквал,
Всегда и всюду рядом
Любимый генерал.

Представители командования дважды прикрепляли к знамени дивизии ордена — Красного Знамени и Суворова,— которыми были награждены герои-криворожцы.

Дивизия Николая Михайловича Дрейера не штурмовала Будапешт. Она наступала южнее. Не знал комдив, что в окруженной венгерской столице находится его бывший помкомвзвода и любимец — Янош Мейсарош. И хотя на них была военная форма двух враждебных армий, они оставались однополчанами — коммунистами, ленинцами.

ВСЕГДА НА ПОСТУ

В разные годы первые часовые простились с армией. В 1930 году басмаческая пуля сделала инвалидом Арсентия Кашкина. После Отечественной войны демобилизовался по болезни майор Янош Мейсарош и вышел в отставку генерал Григорий Коблов. Последним, в 1954 году, простился с боевым знаменем генерал Николай Дрейер, прослуживший в строю 45 лет.

Но они принадлежат к той когорте большевиков, которые не мыслят себя в запасе, которые привыкли всегда быть на передовой. Они помнили слова своей клятвы у саркофага Ильича.

Янош Мейсарош стал начальником охраны одного из московских заводов. Его полюбили и вскоре избрали заместителем секретаря партийной организации.

Янош Мейсарош умер в 1956 году, в день своего рождения. Он знал, что тяжело болен, однако не верил в роковой исход. Смерть столько раз ходила около него! Но старый солдат никогда не думал, что ему суждено умереть на мягкой постели. Он не хотел ложиться в госпиталь, пока не провел всех занятий в заводском

политкружке. С трудом уговорили. С Григорием Кобловым, звонившим в палату по телефону, планировали поездку в Александров-Гай, где некогда проводили отпуска. И еще — собирался, выйдя из госпиталя, побывать в народной Венгрии. Увидеть, как она залечила рапы войны, как строит новую жизнь. Звал Григория посмотреть на Будапешт.

Он умер в 16 часов. В этот момент под звон курантов Спасской башни у Мавзолея Ленина сменился почетный караул. У дверей встала новая пара часовых — молодые, сильные, рослые солдаты-комсомольцы. Они заступили на главный пост страны, на который впервые поставил часовых Янош Мейсарош. Старая смена уходила с карабинами «на плечо», и долго у Мавзолея слышался ее четкий железный шаг, пока совсем не затих где-то вдали...

На Введенском кладбище в Москве есть коричневая мраморная плита. На ней надпись: «Янош Александрович Мейсарош. Любимому мужу и отцу».

А однажды в московскую квартиру Мейсарошей пришли сотрудники будапештского музея. Они знакомились с семейным архивом, снимали копии с бумаг и делали репродукции с фотоснимков. Каждый документ, каждая фотография Яноша Мейсароша стали реликвиями.

Его друг генерал-майор Г. П. Коблов, говоря официальным языком, в отставке. Но зимой 1964 года министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский объявил Григорию Петровичу Коблову благодарность за «активное участие в работе по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота» и наградил его Почет-

ной грамотой. В 60—70-е годы бывший «ленинский юнкер» — член президиума московской секции Советского комитета ветеранов войны, заместитель председателя Совета ветеранов Октябрьской революции и гражданской войны при этой секции, заместитель председателя Совета ветеранов-кремлевцев при Московском военном училище имени Верховного Совета РСФСР, лектор общества «Знание», ректор Университета будущего воина при Центральном Доме культуры учащихся профессионально-технических училищ. Городов, где Г. П. Коблов выступал с воспоминаниями о встречах с Владимиром Ильичем Лениным, десятки.

Зимой 1964 года Мозырский горком партии и горсовет пригласили бывшего командира 14-й Мозырской гвардейской кавалерийской дивизии на празднование 20-й годовщины освобождения города от фашистских оккупантов. Генерал положил в чемодан фронтовые газеты, портреты Героев Советского Союза своей дивизии, наброски воспоминаний о штурме Мозыря. Он провел там две недели, выступая на заводах, в школах, в колхозах и депо. В 1974 году — в 30-ю годовщину освобождения — мозырцы вновь пригласили Григория Петровича и вручили ему алую ленту Почетного гражданина города.

В квартире генерала Коблова часто раздается немецкая речь. Командира дивизии, участвовавшей в освобождении германского народа от фашизма, посещают корреспонденты ГДР, посланцы мест, откуда его конники выбили гитлеровцев, сотрудники музея концлагеря Заксенхаузен, рабочие оптического завода города Ратенов...

28 сентября 1983 года советская обществен-

ность торжественно отметила 85-летие генерала Г. П. Коблова. Юбиляра поздравили Министерство обороны СССР, Московская секция Советского комитета ветеранов войны, Совет ветеранов-кремлевцев, друзья-однополчане, пионеры отрядов, носящих имя первого часового поста № 1...

Генерал Н. М. Дрейер поселился в Омске, у дочери. «Мы с радостью навестили этого заслуженного ветерана Советской Армии,— писал корреспондент «Омской правды» 17 апреля 1965 года, посетив накануне ленинских дней начальника первого почетного караула у Мавзолея вождя.— Николаю Михайловичу сейчас 74 года. Но, как и прежде, он полон энергии, молод духом. Одна беда: сдало зрение» (результат контузии 1941 года под Гжатском).

Генерал показал гостю фотографии.

— Самой дорогой для меня является, конечно, эта,— сказал Николай Михайлович.

На заснеженной Красной площади на фоне деревянного Мавзолея Ленина выстроился первый почетный караул у усыпальницы вождя. На правом фланге — комендант Кремля Р. Петерсон и начальник караула Н. Дрейер.

Генерал Н. М. Дрейер скончался 18 июля 1969 года в возрасте 77 лет и похоронен в Омске...

В Первомайском райсобесе города Фрунзе считали, что Кашкин с 1963 года на пенсии. Но это было не совсем так. Требовалось заменить заведующего отделом, уехавшего в командировку,— директор Киргизского учебно-педагогического издательства просил Арсентия Владимировича поработать на общественных началах. Нелады в семье коммуниста — партбюро пору-

чало комиссии во главе с Кашкиным разобраться. Первомайский РК КП Киргизии проводил совещание группы содействия партийно-государственному контролю — внештатный инструктор райкома Кашкин рассказывал об опыте рабоче-крестьянской инспекции в начале 30-х годов. Ветеран, видевший Ленина, выступал с воспоминаниями в школах, на заводах, в воинских частях.

В кармане его пиджака лежал бессрочный пропуск. Там было напечатано: «КАШКИН Арсентий Владимирович является почетным членом коллектива работников Киргизучпедгиза».

Участник многих знаменательных событий, А. В. Кашкин был членом Совета старых коммунистов, Фрунзенской секции Советского комитета ветеранов войны, республиканского штаба всесоюзной военно-спортивной игры пионеров «Зарница».

Первый часовой поста № 1 скончался 25 мая 1979 года в возрасте 78 лет. У гроба Арсентия Владимировича — последние 49 лет жизни штатского человека — стоял почетный воинский караул от частей Фрунзенского гарнизона. Тело легендарного часового опустили в землю под трехкратный прощальный салют из карабинов.

По-разному сложились судьбы первых часовых поста № 1. Но всех их объединяет одно — это славные и мужественные люди, в жизни которых тесно сплелись и величие и трагические противоречия прожитой нами эпохи. В их биографиях раскрывается во всей широте великолепный и цельный героический характер советских людей, бойцов, коммунистов, интернационалистов.

...Сотни часовых сфотографированы на посту № 1 — у входа в Мавзолей Ленина. Но лишь один запечатлен на почетной вахте у саркофага в Траурном зале.

Фотографировать там нельзя. Исключение сделали только один раз — в январе 1924 года, когда боль потери была особенно свежа и мучительно остра, и миллионы хотели видеть последнюю обитель любимого вождя.

...Траурный полумрак. На простом постаменте — красный саркофаг. В углу — красное знамя, увитое черным крепом. У саркофага — часовой в буденовке.

В те тяжелые дни Н. К. Крупская писала близкой знакомой: «Сейчас гроб еще не заделали и можно будет поглядеть на Ильича... Лицо у него спокойное, спокойное». Вспоминая о недавнем всенародном прощании в Доме Союзов, добавляла: «День и ночь шел мимо народ, смотрел на Ильича и плакал... На улице был страшный мороз, но никто не обращал внимания, улицы были залиты народом, и веяло дыханием революции. Точно 17-й год. Думаю, что смерть Ильича сплотит партию и подымет работу. Хоронила Ильича единая партия, и плакали одинаково все. Работать надо теперь».

Кто же он, солдат революции, воздающий от имени миллионов рабочих и крестьян воинские почести великому вождю?

На фотографии, хранящейся в Институте марксизма-ленинизма, написано: «Гроб с телом В. И. Ленина в Мавзолее». И все.

Я показал снимок ветеранам кремлевской

военной школы имени ВЦИК, живущим в столице. Они не узнали часового.

В 1964 году в Москву съехались питомцы этой школы — выпускники 1924 года. Казалось, лучшего случая не может представиться... Седовласые генералы, полковники и штатские внимательно рассматривали снимок, вертели его в руках, но... Без сомнения, они много раз видели этого курсанта, были с ним в лагерях и на стрельбищах, в караулах и на парадах. Но 40 лет — не 40 дней... И ветераны возвращали фото, смущенно или сокрушенно пожимая плечами... Тайна часового оставалась нераскрытой.

Через год у Спасской башни Кремля вновь собрались «ленинские юнкера» — выпускники 1925 года. Фотография опять переходила из рук в руки. Самыми «утешительными» были слова: «Кто-то из наших...» Но кто? Вдруг сквозь толпу, сгрудившуюся около фотографии, протиснулся коренастый пожилой человек в зеленом военном плаще. Посмотрев минуты две на снимок, сказал: «Это — Суровцев». Заметив мой недоверчивый взгляд, пояснил: «У меня отличная память на людей. Увижу человека через 30—40 лет и — сразу узнаю, а он меня — нет. Не верите?.. Смотрите,— он показал рукой на пожилого мужчину у гранитных трибун, — вон — Вася Широчкин. Мы не виделись сорок лет. Я подойду к нему, и вы убедитесь, что я не ошибся...»

Все произошло так, как предсказал этот человек.

— Это Иосиф Суровцев,— повторил он.— Наши койки стояли рядом.

К сожалению, полковник Н. И. Новгород-

ский ничего не знал о дальнейшей судьбе своего друга.

По моей просьбе летописец школы имени ВЦИК полковник М. П. Годин поднял свои богатые домашние архивы и подтвердил, что действительно курсант Суровцев окончил учебу в 1925 году.

Имея эти данные, Главное управление кадров Министерства обороны СССР сообщило:

«Капитан Суровцев Иосиф Васильевич, 1903 года рождения. Исключен из списков офицерского состава ввиду смерти... В Ленинградском городском военном комиссариате за него получает пенсию жена Ф. А. Суровцева-Френкель».

Признаться, я с робостью написал этой женщине. Боялся разбередить старые раны, вновь напомнить о потере мужа, который — я допускал и это — мог оказаться лишь однофамильцем того, чей портрет, вырезанный из фотографии, я просил ее опознать.

Через двадцать дней пришел ответ. Что в конверте?.. Я сразу стал читать последние строчки, чтобы по их тону понять характер всего письма:

«P. S. Думаю, не будете возражать, что фото оставила у себя. Ф. Суровцева-Френкель».

Он!.. Спасибо полковнику Н. И. Новгородскому.

Ф. А. Суровцева сообщала, что «во время смерти В. И. Ленина муж учился в школе командиров в Москве» и что «у него долго хранилась вырезка из какой-то военной газеты, где он, как отличник боевой и политической подготовки, был изображен на посту у гроба вождя».

Действительно, похожий снимок был опубликован (без фамилии часового) в февральском номере журнала «Прожектор».

Эксперт Всесоюзного научно-исследовательского института охраны общественного порядка А. Зинин, сличив фотографии часового и Суровцева, подтвердил, что на них изображено одно и то же лицо.

...Через Николаев проходили красные отряды. Громыхали пушки, цокали подковы, полыхали знамена. «И «Яблочко-песню» играл эскадрон смычками страданий на скрипках времен»... Тревожной весной 1919 года с одним из полков ушел на фронт 14-летний доброволец Иосиф Суровцев. Сын чернорабочего, учившийся слесарничать в одном из гаражей, он давно лелеял мечту вихрем мчаться на лихой тачанке и косить беляков из пулемета. Чтобы взяли в Красную Армию, прибавил себе два года.

Немало походных дорог прошагал николаевский Гаврош... В нем — худеньком красноармейце в длинной, не по росту, шинели, выгоревших обмотках и потрескавшихся ботинках — жила великая душа народа, который больше не мог терпеть голод, нужду и притеснения...

— Это был образцовый кремлевский курсант,— вспоминал полковник Н. И. Новгородский, встретившийся с Иосифом в 1922 году.— На старшем курсе его назначили командиром отделения — честь, которой удостаиваются немногие курсанты. Аккуратный и подтянутый, он отличался высокой требовательностью к себе и другим. Признаться, как подчиненный, я считал его требовательность плохой чертой.

Но позднее, став командиром, понял, что это — его достоинство.

22 января 1924 года на траурном собрании, посвященном памяти Ильича, курсанты дали клятву «еще больше сплотиться вокруг знамени твердой, стальной, монолитной, единой партии пролетариата — Российской Коммунистической партии и ее Центрального Комитета». 180 будущих командиров были приняты в члены и кандидаты партии. Среди коммунистов ленинского призыва был и Иосиф Суровцев.

...Осенью 1925 года молодой краском прибыл в 24-й стрелковый полк в Бобруйске. «Мы вместе работали командирами взводов и снимали одну холостяцкую квартиру,— вспоминает подполковник А. Д. Позняков, сразу узнавший Иосифа на фотографии.— Это был веселый и энергичный человек. Вечно куда-то спешил, торопился, полный различных забот и планов. Возвращаясь с маневров, с увлечением рассказывал о своих красноармейцах, о новой боевой технике, о смелых тактических решениях. Его ценили».

Действительно, в служебной карточке И. В. Суровцева, хранимой в Центральном архиве Советской Армии, записано:

«1927 год. Подлежит выдвижению на должность помощника командира роты во внеочередном порядке.

1928 год. Достоин выдвижения на должность командира роты во внеочередном порядке...»

В 1930 году, окончив знаменитые командные курсы «Выстрел», он был избран секретарем партийного бюро своего 24-го стрелкового полка... Трагический случай оборвал жизнь капитана И. Суровцева.

...Более шестидесяти лет смотрит на нас с уникальной фотографии молодой часовой. В его глазах — скорбь и твердость. На скулах — желваки. Рука крепко сжимает винтовку с блестящим штыком. И хотя курсант невысок, его плотная, коренастая фигура выглядит торжественно, величественно и грозно...

ПО СЛЕДАМ ПОСТОВОЙ ВЕДОМОСТИ

(Судьба одного караула)

Генерал Дмитрий Васильевич Гордеев хранил эту копию постовой ведомости сорок лет. С 1924-го по 1964-й. И лишь незадолго до смерти отдал в музей.

За годы армейской службы он нес много разных караулов, и сотни постовых ведомостей прошли через его руки. Но эту бумажку, пожелтевшую от времени и протершуюся на сгибах, он свято берег. Как и память о том карауле.

Наверху постовой ведомости написано:

«Почетный караул
по охране гроба Председателя СНК
В. И. Ленина».

Курсанту Дмитрию Гордееву выпала честь быть помощником начальника этого караула, принявшего скорбную вахту 28 января 1924 года — на второй день после похорон Ильича. Еще не привилось непривычное иностранное слово «мавзолей», и караул называли «по охране гроба Председателя СНК В. И. Ленина».

Постовые ведомости уничтожаются через несколько дней, а эта в копии — уцелела. Помкарнач (помощник караульного начальника) Дмитрий Гордеев сделал ее, как сказал мне спустя много лет, «для себя». Чтобы знать, кто из часовых на каком посту стоит и в какой смене. Сейчас эта бумага — реликвия.

Не раз глядя на дорогой ему документ, генерал вспоминал морозный день 22 января 1924 года, когда страшная весть из Горок ворвалась в кремлевские казармы... На траурном митинге курсанты военной школы имени ВЦИК поклялись: «Как бы ни была тяжела потеря дорогого учителя и вождя, мы, как один, заявляем, что дело, которое было начато под руководством Владимира Ильича, будет нами доведено до конца».

Постовая ведомость сохранила фамилии часовых почетного караула курсантов 2-й пулеметной роты, которым довелось нести скорбную вахту. Вот имена этих солдат революции:

Пост № 1. У входа в Мавзолей. Кавтуненко Анатолий. Касаткин Андрей. Аксенов Михаил.

Пост № 2. На лестнице, ведущей к гробу. Канищев Александр. Барматунов Василий. Табакин Илья.

Пост № 3. У гроба. Лукьянов Петр. Яковлев Федор. Лаврентьев Дмитрий.

На постах № 4, 5, 6 и 7 (вокруг Мавзолея и у венков вдоль Кремлевской стены) — Ионисий Кафьян, Иван Тихонов, Петр Шубин, Сергей Боев, Владимир Соколов, Василий Широчкин, Константин Сергеев и другие. Разводящие Григорий Рощин и Павел Потехин сменяли часовых через каждый час.

«Будучи в карауле,— вспоминал Дмитрий

Васильевич Гордеев,— мы никак не могли смириться с тем, что охраняем Ленина неживого. Нам все казалось, что Владимир Ильич лишь на время зашел в здание.

Во время отдыха в караульном помещении только и было разговоров что об Ильиче, о его простоте и скромности. Курсанты вспоминали свои встречи с Лениным — на посту № 27 у его квартиры, на прогулках в Кремле; о том, как однажды ночью он пришел в казарму роты с дежурным по школе, осмотрел помещение, поднял упавшее на пол одеяло спящего курсанта...

Сдав вахту у Мавзолея новому караулу, мы спустились — с разрешения коменданта Кремля — в Траурный зал и остановились на две минуты перед красным саркофагом. Через застекленные прорезы в его верхней металлической крышке можно было видеть Ленина по пояс. Глядя на знакомое спокойное лицо, хотелось верить, что Ильич спит, что вот-вот проснется».

Одни часовые этого почетного караула окончили военную школу имени ВЦИК в 1924 году, другие — в 1925-м, третьи — в 1926-м. Молодые краскомы разъехались по ближним и дальним гарнизонам и заставам, чтобы охранять мирный труд рабоче-крестьянской республики.

Как же сложились судьбы курсантов, чьи фамилии начертаны в постовой ведомости, ставшей музейным экспонатом? Выяснить это помогли документы Главного управления кадров Министерства обороны СССР.

22 июня 1941 года!..

Первым из часовых этого караула узнал о нападении гитлеровцев на нашу страну коман-

дир артиллерийского полка майор Михаил Аксенов (в 1924 году он стоял на посту № 1). Еще 19 июня его дивизия выступила из Житомира на запад, и о войне ей поведали не московское радио, а свист и грохот вражеских авиабомб. В Москве заместитель управляющего трестом местной промышленности Григорий Рощин (бывший разводящий) утром был срочно вызван в райком партии, где собрался весь районный актив в ожидании важного правительственного сообщения. В Краснодаре начальник технического снабжения дивизии майор Сергей Боев (пост № 5) завтракал дома, когда вбежала дочка: «Папочка, война!» Майор обнял жену, дочь и поспешил в гарнизон. Командир зенитно-артиллерийского полка ПВО подполковник Александр Канищев (пост № 2) позвонил жене из части: «Не волнуйся. Еду на совещание в штаб флота». Преподаватель Одесского артиллерийского училища майор Ионисий Кафьян (пост № 4) подал рапорт командованию с просьбой направить его на фронт. По боевой тревоге прибыли в штабы своих частей бывшие часовые почетного караула Петр Лукьянов, Дмитрий Лаврентьев, Федор Яковлев, Василий Барматунов, Иван Тихонов, Петр Шубин и другие. Во второй половине дня грозная весть докатилась до Дальнего Востока. Командир мотострелкового полка подполковник Дмитрий Гордеев (бывший помощник начальника почетного караула), выступая на красноармейском митинге, закончил речь словами, уже облетевшими всю страну: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Последним узнал о войне Василий Широчкин (пост № 7). В далекий поселок на Колыме эта весть

пришла 23 июня. Бывший капитан тут же написал заявление в политуправление Дальстроя с просьбой направить его в действующую армию.

Еще не родились слова песни «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», но все советские люди в едином порыве ярости благородной поднимались на отпор врагу.

1418 суток полыхали бои... И среди тысяч командиров, защищавших страну Ленина, храбро сражались бывшие часовые почетного караула курсантов-пулеметчиков.

Расскажем об одном из них — Дмитрии Васильевиче Гордееве — словами документов и очевидцев.

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОЙ ГРУППЫ ВОЙСК

5 февраля 1943 года 18 час. 00 мин.

Командиру десантного отряда полковнику Гордееву

Десантный отряд... в составе батальона морской пехоты майора Куникова успешно овладел [населенным пунктом] Станичка и продолжает удерживать захваченный район.

Приказываю:

1. Используя захваченный плацдарм, полковнику Гордееву свой десантный отряд последовательно сосредоточить в р-не Станичка...

2. Задача десантного отряда:

а) прочно и надежно обеспечить за собой захваченный район, расширив его от Суджукской косы до западного мола Новороссийского порта;

б) овладеть высотой с кладбищем и южной частью Новороссийска до Красноармейской улицы;

в) очистить район Мысхако до рубежа: высота с кладбищем, безым. выс. (1 км вост. Федотовка).

В последующем по мере наращивания сил десанта штурмовыми группами очищать г. Новороссийск...

Командующий группой Ив. ПЕТРОВ...

Десантный отряд полковника Гордеева первым прибыл на помощь героям, захватившим плацдарм, ныне известный как Малая земля.

Из «Автобиографии генерал-лейтенанта Гордеева Д. В.»: «В ночь с 4 на 5.II высадил десант на мысе Мысхако в районе Новороссийска, где ранее — в ночь на 4.II высадился небольшой десант.

...В течение двадцати дней я расширил плацдарм на Мысхако, после чего туда высадили, кроме моих войск, четыре стрелковые бригады, два отдельных полка — воздушно-десантный и войск НКВД — и одну стрелковую дивизию. Все эти войска совместно с моими образовали группу десантных войск 18-й армии... 26 марта 1943 г. я назначен командиром 20-го десантного стрелкового корпуса. До 16 сентября мой корпус в составе 18-й армии вел бои по удержанию и расширению плацдарма. Неоднократные попытки противника сбросить десант в море успеха не имели».

Что это были за «неоднократные попытки противника сбросить десант в море», о которых так лаконично упомянул комкор, хорошо помнят участники боев. Семь месяцев фашистские

самолеты и пушки перепахивали землю плацдарма. Земля вздымалась и горела от бомб и снарядов, дымились камни, плавился металл, рушился бетон. Но едва серо-зеленые силуэты гитлеровцев поднимались в новую атаку, стремясь сбросить наших солдат в море, как вражеские цепи тут же встречал шквал огня. Накалялись стволы пулеметов и автоматов, гранаты летели в приближающиеся танки. В рукопашных схватках шли в ход приклады и ножи. Раненые покидали медсанбат и сражались плечом к плечу с товарищами. После каждой фашистской атаки все вокруг покрывалось трупами немцев. Десантники не отступили с плацдарма.

ОБРАЩЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА 18-й АРМИИ

18 апреля 1943 года

Товарищи бойцы, командиры и политработники, героические защитники „Малой земли"!

Неувядаемой славой покрыли себя бойцы частей Перекрестова и Гордеева... Военный совет гордится вашими подвигами, стойкие защитники «Малой земли» нашей великой социалистической Родины, и уверен, что этот рубеж обороны был и будет для врага неприступным... Военный совет армии объявляет всем бойцам, командирам и политработникам частей генерал-майоров Перекрестова и Гордеева... благодарность за стойкость и мужество, проявленные в борьбе с врагом... Военный совет выражает уверенность, что там, где сражаетесь вы,— враг не пройдет. Там, где вы контратакуете,— враг не устоит! Сильнее удары по врагу!

Военный совет армии

Бойцы сражались под лозунгом «Сделаем Малую землю большой могилой для врага!». В короткие часы затишья в окопах родилась песня «Мы — гордеевцы»:

Вся врагом поругана, потоптана земля...
В бой, орлы-гордеевцы, бесстрашная семья!

Родины просторы,
Лес, поля и горы,
Девушка далекая моя.

Никогда не сломит нас, гордеевцев, беда.
Будет уничтожена фашистская орда.

Горы Черноморья,
Зеленые предгорья,
В битве отстоим вас навсегда!

Из «Автобиографии генерал-лейтенанта Гордеева Д. В.»: «С 9 по 16.IX... корпус перешел в наступление и 16.IX.43, прорвав сильно укрепленную оборонительную полосу противника, во взаимодействии с другими соединениями армии овладел г. Новороссийск».

Отсюда, с рубежей Малой земли, начался победный марш гордеевцев на запад. Пятнадцать раз салютовала Москва доблестным воинам генерала Гордеева. Первый раз — 9 марта 1944 года за освобождение важного опорного пункта обороны немцев украинского города Староконстантинов, последний — 8 мая 1945 года за освобождение чехословацкого города Оломоуц на реке Морава. Корпус генерала Гордеева закончил войну через трое суток после Дня Победы — добивал севернее Праги несдававшиеся остатки вермахта. От Малой земли до Праги гордеевцы прошли 3260 километров.

За войну бывший помкарнач был дважды ранен и несколько раз контужен. Но в госпиталях не лежал: лечился на марше. Его грудь укра-

сили девять советских и два чехословацких ордена. Именем генерала Гордеева названы улицы в нескольких городах, освобожденных его корпусом.

В последние годы службы Дмитрий Васильевич Гордеев был заместителем командующего войсками Московского военного округа по боевой подготовке.

Так же доблестно сражались все остальные часовые почетного караула, вставшие под боевые знамена. Александр Канищев возглавлял штаб войск ПВО Северного флота, Петр Шубин — штаб артиллерии Приморской группы под Ленинградом... Семья партизанского командира Федора Яковлева два раза получала сообщения о его смерти. «А я живу»,— писал полковник мне в 1970 году... Если подробно рассказать обо всех — получится книга.

В 1924 году их было тридцать. В 1984-м — двое: 83-летний Иван Григорьевич Тихонов (пост № 5), живущий в Запорожье, и 80-летний Василий Васильевич Барматунов (пост № 2), москвич.

Ежедневно 22 апреля — в день рождения Ленина — Василий Васильевич Барматунов приходит к Мавзолею.

Обычно о людях его возраста говорят: офицер в отставке, пенсионер, ветеран. Но к 80-летнему Василию Васильевичу Барматунову эти слова не подходят. Он трудится в Московском областном клиническом научно-исследовательском институте имени М. Ф. Владимирского, ударник коммунистического труда.

Часовой-кремлевец по-прежнему на посту. Недавно в институте был издан приказ:

«13 марта 1984 года исполняется 80 лет инженеру лаборатории автоматизации и электроники Барматунову Василию Васильевичу. ...В нашем институте Василий Васильевич работает с 1967 г. Им сконструирован ряд электронных приборов, которые внедрены в практику подразделений института. Разработанные с участием тов. Барматунова В. В. приборы демонстрировались на Всесоюзных радиовыставках и удостоены дипломов и призов... Василий Васильевич удостоен Бронзовой медали ВДНХ. Он имеет звание «Мастер-радиоконструктор ДОСААФ СССР», автор ряда научных статей и рационализаторских предложений, ответственный за работу народного контроля. Поздравляю Василия Васильевича со славным юбилеем, желаю ему крепкого здоровья, большого счастья, новых успехов в работе... Директор института профессор А. М. Сазонов».

В торжественной обстановке коллеги вручили инженеру В. В. Барматунову подарок — радиоприемник и пожелали творческого долголетия.

Полковник авиации, закончивший войну под Кенигсбергом, сейчас — боец медицинского фронта. Вот его победы: рационализаторские предложения по созданию и совершенствованию новейшей медицинской аппаратуры, изобретение устройства для диагностики болезней сердца, сделанное им вместе с шестью более молодыми коллегами. Бронзовой медали ВДНХ В. В. Барматунов удостоен за участие в разработке конструкции «Компьютер для исследования кровообращения».

О себе Василий Васильевич сказал с улыбкой: «Сейчас я — четырежды ветеран». И поясс-

нил: ветеран партии (вступил в нее в 1927 году), Вооруженных Сил (прослужил 33 года), Отечественной войны (кавалер шести боевых орденов), труда (его стаж, начавшийся еще до революции — в 1915 году, когда 11-летний Вася стал рабочим хрустальной фабрики в родном городе Дятьково, и прерванный ратной службой, насчитывает 28 лет). Последняя награда В. В. Барматунова — медаль «Ветеран труда».

Глядя на Василия Васильевича — невысокого, с гладко зачесанными назад седыми волосами, в белом халате, склонившегося над чертежами и создающего новый медицинский прибор, вспоминаешь слова одного летчика: у самолета есть потолок полета, у человека нет.

Ежегодно 22 апреля В. В. Барматунов возлагает цветы к Мавзолею Ленина от себя и от товарищей по тому январскому караулу, увековеченных в постовой ведомости. От друзей, которые пали в суровых битвах 1941 года,— майора Михаила Аксенова, погибшего на второй день войны во главе атакующей цепи, майора Ионисия Кафьяна, сложившего голову при отражении танковой атаки врага, майора Сергея Боева, пропавшего без вести на Юго-Западном фронте в сентябре сорок первого, капитана Владимира Соколова, замученного в плену, майора Петра Лукьянова... Кадровые военные, они в числе первых приняли на себя удар вражеского меча и грудью своей заслонили Родину, наших матерей, жен и детей, наши дома, поля и сады и заслужили то, что выше всех наград,— великую благодарность современников и потомков. Перед мысленным взором Василия Барматунова встают мужественные лица его товарищей в гимнастерках с петлицами, с портупеей

через правое плечо, с медалью «XX лет РККА», других наград они не успели получить...

В петлицах шпалы боевые
За легендарные дела.
По этим шпалам вся Россия,
Как поезд, медленно прошла.

Я. Смеляков

Василий Барматунов возлагает к Мавзолею цветы и от бывших часовых караула, отпраздновавших Победу,— генерал-лейтенанта Дмитрия Гордеева, генерал-майора артиллерии Александра Канищева, полковников Анатолия Кавтуненко, Федора Яковлева, Петра Шубина, капитанов Константина Сергеева, Василия Широчкина, Григория Рощина... Они скончались уже после войны, честно выполнив свой долг перед Родиной.

Их было тридцать. Осталось двое.

Нет, не двое! Их место в Вооруженных Силах заняли дети: майор Игорь Гордеев, подполковник-инженер Борис Рощин, инженер войсковой части Тихоокеанского флота Людмила Канищева и многие другие. Газета «Боевой страж»— орган управления охраны общественного порядка Краснодарского края — сообщила о храбром поступке сержанта милиции Владимира Широчкина, спасшего жизнь женщины в смертельной схватке с бандитом... В армию пришли уже внуки курсантов-пулеметчиков, давших в январские дни 1924 года клятву твердо идти ленинским курсом. Воины 80-х годов поют:

В дальний путь, где орбиты круты,
За родной мы уходим порог.
Эти наши дороги, отцы,—
Продолжение ваших дорог.

II

Семь тысяч двести... Примерно столько часовых стояло за шестьдесят лет у входа в Мавзолей и у саркофага Ильича.

Кем стали эти люди, чей путь начинался под огненно-красным словом ЛЕНИН?

Личные дела в архивах не всегда давали ответ. Моя записная книжка пополнилась десятками телефонов маршалов, известных всему миру, и офицеров, знакомых только однополчанам.

— Не приходилось ли вам, будучи курсантом кремлевской школы, стоять на посту у Мавзолея Ленина?

И, услышав в трубке гордое «А как же!», я бывал несказанно рад.

Во многие города, где, по данным Главного управления кадров Министерства обороны СССР и совета ветеранов-кремлевцев, живут питомцы школы имени ВЦИК, несшей долгие годы вахту у Мавзолея, ушли запросы. Одни отвечали сразу: «Да, приходилось!»... Другие лишь помогали уточнить подробности.

Ежедневно приходили письма в разноцветных конвертах, простые, заказные, авиа, отпечатанные на машинке или написанные неровным старческим почерком. Из Воронежа, Иркутска, Чернигова, Саратова, Углича, Баку, Армавира, Тбилиси, Клина, Симферополя, Калинина, Ялты.

Если бы существовал Союз ветеранов поста № 1, то он мог бы гордиться своими членами.

СОЛДАТ ИЗ ЦХМОРИ

Среди часовых поста № 1 были сыны многих народов СССР.

Накануне 20-летия победы над фашистской Германией в тбилисскую газету «Заря Востока» пришло несколько писем с просьбой сообщить адрес генерала Е. Г. Коберидзе. «В годы войны он командовал нашей дивизией,— писал майор запаса А. Карпов из Харькова.— Мы, солдаты, сержанты и офицеры, просим от нашего имени поздравить Ермолая Григорьевича с праздником Победы и пожелать ему долгих лет жизни». Д. Голубцов из Майкопа вспоминал, как однажды генерал, раненный осколком снаряда, отказался эвакуироваться в тыл, продолжая руководить сложными боевыми действиями. «Мы удивлялись его стойкости»,— писал ветеран.

Генерал-майор Е. Г. Коберидзе начал свой боевой путь на посту № 1.

...1924 год. Отгремели траурные салюты, отзвучали надгробные клятвы, убраны красно-черные флаги. Дымят трубы заводов, рокочут тракторы на пашнях, стучат молотки строителей — страна идет ленинским путем. Но трудно примириться с мыслью, что Ильича нет. И ча-

совой Ермолай Коберидзе, стоя у входа в Мавзолей, вспоминает, что первые дни он пытался представить себе, будто вождь только уснул и он охраняет его покой.

Семь лет назад до кавказского села Цхмори долетела весть об Октябрьской революции. Старики говорили, что предводитель бедных Ленин прогнал царя и князей и передал власть и богатства рабочим и крестьянам всех наций... Грузия клокотала. Крестьяне, доведенные нищетой до отчаяния, захватывали помещичьи земли. Меньшевистские правители посылали карательные отряды, вводили военно-полевые суды. Но то в одном, то в другом районе вспыхивали восстания. Их участники провозглашали Советскую власть. 15-летний Ермолай Коберидзе мечтал вступить в армию Ленина, чтобы освободить горских бедняков от притеснителей.

В 1921 году Красная Армия двинулась на помощь восставшей Грузии. Ермолай Коберидзе и его односельчане вышли с лопатами к Мамисонскому перевалу, чтобы расчистить дорогу от снежных заносов.

«Я с нетерпением ждал красных бойцов,— вспоминал Ермолай Григорьевич.— Я думал, что во главе их идет сам Ленин и что наконец-то я увижу вождя бедняков! Каково же было мое разочарование, когда первый же красноармеец, которого я спросил, где Ленин, удивился, затем рассмеялся и потом серьезно ответил: «Товарищ молодой грузин! Ильич работает в Москве». Тогда я спросил, можно ли записаться в армию Ленина. И красноармеец сказал, что война окончена и мне надо учиться».

...Курсант Грозненских командных курсов Ермолай Коберидзе знал, как много и напря-

женно работает Ленин, и с грустью простился с юношеской мечтой увидеть вождя революции. Он был горд уже тем, что станет одним из командиров освободительной армии, созданной Ильичем.

Но Ермолай увидел Ленина. Курсы расформировали, и Коберидзе попросил направить его в кремлевскую военную школу.

19 октября 1923 года новые курсанты играли в футбол. Вдруг кто-то крикнул: «Ленин!» Игра сразу прекратилась. Въехавшая в Спасские ворота открытая легковая машина повернула к зданию правительства. Все устремились к автомобилю.

Ленин в Кремле!.. Все знали, что он тяжело болен и лечится в Горках. Раз Ильич приехал, значит, выздоравливает!..

Никто, конечно, не мог предполагать, что это был последний приезд вождя в Москву...

Ленин быстро вошел в подъезд. Ермолай и его друзья, видя, что машина не уезжает, упорно ждали, обнадеживая друг друга, что Ильич вернется... И они не ошиблись. Ленин вышел, разговаривая с сопровождавшими его товарищами. Владимир Ильич улыбнулся курсантам и слегка поднял руку, отвечая на их приветствия. Они считали себя счастливцами, которым пусть мельком, но все же удалось увидеть любимого вождя революции.

А потом — скорбная вахта у Мавзолея. Если бы ему сказали: «Умри, курсант Коберидзе,— товарищ Ленин воскреснет», он, не задумываясь, пошел бы на смерть.

...Батуми, Алма-Ата, Ростов, Каунас... Немало городов повидал питомец кремлевской школы за годы армейской службы. И везде — в Ад-

жарии, Казахстане, Российской Федерации, Литве — он упорно овладевал военной наукой, чтобы достойно защищать ленинские идеи.

Годы боевой учебы не пропали даром.

Июльской ночью 1944 года бойцы передового отряда 117-й стрелковой дивизии генерал-майора Е. Г. Коберидзе первыми в 69-й армии с ходу форсировали многоводную Вислу. Несмотря на жестокий артиллерийский огонь и яростную бомбежку, десантники захватили кромку берега близ польского села Войшин. Контратакующие фашисты пытались сбросить их с «пятачка». Но ночью под ураганным обстрелом немецких пушек и минометов, бивших при свете ракет, генерал Коберидзе перебросил через реку еще два батальона и роту автоматчиков. Они расширили плацдарм...

В ожесточенных двухнедельных боях герои 117-й не только удержали, но и увеличили ставший знаменитым Пулавский плацдарм до трех километров по фронту. Добрым словом поминали они артиллеристов, поддерживавших их с восточного берега... На плацдарме сосредоточились новые дивизии для дальнейшего наступления на запад.

7 апреля 1945 года у жителей Цхмори был праздник. Диктор московского радио, зачитывая указ о присвоении лучшим воинам звания Героя, назвал фамилию их земляка![1] 117-я

[1] Интересное совпадение: в один день — 6 апреля 1945 года — звания Героя Советского Союза были удостоены трое бывших часовых поста № 1 — генерал-майор Е. Г. Коберидзе, гвардии подполковник Л. Д. Чурилов и гвардии генерал-майор В. А. Борисов. Четвертый ветеран караула у Мавзолея — гвардии полковник А. А. Головачев в тот же день награжден второй медалью «Золотая Звезда».

стрелковая дивизия была удостоена ордена Красного Знамени.

...В 1946 году перед хрустальным саркофагом Ильича остановился стройный генерал. Это был Ермолай Коберидзе. Бывший крестьянин, мечтавший сражаться в армии великого Ленина, закончил Отечественную войну, участвуя в разгроме 120-тысячной вражеской группировки южнее Берлина.

«Спи, горный орел,— думал Ермолай Коберидзе, глядя на Ильича.— На свете тысячи и тысячи твоих орлят. Их не окинуть взором... И в сердце каждого из них вошел ты, как входит солнце в каждый цветок, давая ему жизнь и тепло».

...Грузин Ермолай Коберидзе, русский Григорий Коблов, венгр Янош Мейсарош, белорус Сергей Сенчилло, украинец Григорий Тхор, армянин Ионисий Кафьян, азербайджанец Али Мирзоев, мордвин Федор Смолкин, литовец Франц Балтрушайтис, латыш Раймонд Яунушан, чуваш Михаил Мезелев... Сыны многих народов охраняли и охраняют покой вождя. Недавно в семью часовых поста № 1 вновь влились юноши Украины, Белоруссии, Латвии. Для трудящихся всех наций Ленин — освободитель и друг. Их объединяла и объединяет одна вера — ленинизм, одна цель — коммунизм.

ОДНА СМЕНА — ДВА ГЕРОЯ

В истории поста была одна смена, оба часовых которой стали Героями Советского Союза.

1925 год. На всю жизнь запомнили Иван Кузовков и Степан Шутов: мягкий свет из алых абажуров озаряет Траурный зал. В хрустальном

саркофаге — Ильич. Сомкнуты веки, недвижимы руки. Над ложем — склоненное знамя парижских коммунаров — подарок французских рабочих. А мимо медленно течет бесконечная людская река. Каждый стремится подольше задержаться около Ленина, наглядеться на дорогое лицо.

...Часовые глядят на Ленина, на людей, несущих ему поклон за разбитые цепи и выпрямленные спины, за мир и землю, за хлеб и грамоту... Неубывающая человеческая река паломников как бы говорит: пламя очистительной революции, зажженное большевиками, разгорается все сильней... И кажется, Ленин на посту. Он только прилег отдохнуть в рабочем френче. И курсанты Шутов и Кузовков крепче сжимают винтовки. От имени Красной Армии, от имени трудового люда они воздают воинские почести вождю народов.

Глядя на Ильича, часовые думают о друзьях, скошенных пулями белых, о земляках, строящих завтрашний мир.

Вспоминаются детские годы... Управляющий исхлестал шестилетнего Степку, упавшего под тяжестью ведер с водой. И отец не заступился: у пана Жилинского сто тысяч гектаров, а у Шутовых, как и у тысяч батраков,— ни пяди. Куда деваться с одиннадцатью ребятишками? Пастушонок Степка мечтал, что исполнится угроза односельчанина — инвалида войны — перевешать с ротой солдат всех помещиков. Но однажды местный большевик сказал: «Рота ничего не сделает. Надо, говорит Ленин, чтобы народ поднялся». Так впервые услыхал Степан имя Ленина. И связал с ним все надежды на землю, на волю, на лучшую долю.

В октябре 1917 года помещичьи хоромы запылали... Местные большевики раздавали солдатам Декрет о мире. Тайком от офицеров пехотинцы собирались вокруг немногих грамотных и жадно слушали первое слово новой власти. И убеждались, что это их слово, их воля. «Правда, что Ленин приказал землю раздать крестьянам?» — спрашивали они. «Правда,— отвечал Степан.— У нас уже разделили землю Жилинского». Он видел, как лозунги революции прожигали сердца мужиков, взрывали проклятый старый мир. К вечеру солдаты закололи ненавистного офицера-белогвардейца... 16-летний батрак вступил в Красную гвардию.

Так постигал азбуку революции Степан Шутов. Так пришел к большевикам и сын железнодорожника Иван Кузовков.

...В сентябре 1927 года друзья окончили школу имени ВЦИК и простились с Москвой. «В трудные минуты,— напутствовал их курсантский журнал «Меч и молот»,— пусть мысль ваша вознесется к Мавзолею у Кремлевской стены. А в трудах Ильича вы найдете свет и указания. Будьте верны его большевистским заветам!»

Расставшись, Степан Шутов и Иван Кузовков не виделись семнадцать лет.

Утреннюю тишину потряс рев реактивных минометов... 65-я армия начала форсирование Днепра! Ее командарм вспоминает: на главном направлении с первых минут обозначился успех 69-й дивизии генерала И. А. Кузовкова. «Командир, возглавляющий форсирование, должен обладать особым характером... Нужна железная воля, быстрота реакции на всякую неожиданность, дерзость в замысле и в исполнении. Иван

Александрович Кузовков, командиры полков и батальонов 69-й... показали нам эти качества» [1]. Волевой и собранный, инициативный и смелый, комдив-69 послал в десант два батальона вместо одного. Этим он лучше прикрыл переправу, расширил фронт атаки, ослабил огонь врага.

Десантники с ходу выбили немцев из траншеи и двинулись к прибрежным высотам. А реку уже пересекали новые бойцы. Генерал-майор И. А. Кузовков спешил, пока не рассвело, закрепить первый успех.

Не 69-й предстояло наносить главный удар. Но выделенная для этого дивизия накануне неосторожно провела репетицию десанта и теперь, прижатая огнем, не могла спустить лодки на воду. А Кузовков уже закрепился на плацдарме. Командарм приказал бросить все средства на его поддержку. Следующим утром бойцы 69-й стремительной атакой взяли опорный пункт врага. Это развязало руки всему корпусу. Командир корпуса приехал за Днепр, нашел НП Кузовкова, обнял генерала и расцеловал.

«В 1943 году,— пишет в мемуарах командарм,— самой яркой страницей в жизни 65-й армии было форсирование Днепра, а главным его героем стал у нас боевой коллектив 69-й дивизии...» [2]

...Днепровская битва полыхала от Лоева до Запорожья. И не ведал генерал И. А. Кузовков, что всего в 160 километрах южнее огненную реку форсирует 20-я гвардейская танковая бригада полковника С. Ф. Шутова.

---

[1] *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1962, с. 206.
[2] Там же, с. 154.

Экипажи спешили: на том берегу, на объятом пламенем Лютежском плацдарме пехотинцы отбивали яростные контратаки «тигров». Немцы стремились сбросить смельчаков в реку. Десантники взывали: «Танков!» Ночью на паром, собранный под непрерывным обстрелом, въехал первый «Т-34». Столб воды окатил полковника С. Шутова и соседние машины — фашисты били по переправе. Но гвардейцы все время слышали спокойные, четкие команды комбрига. «Тридцатьчетверки» Шутова первыми в корпусе переправились на тот берег.

Так сражались ветераны поста № 1.

Уже далеко за Днепром И. А. Кузовков узнал, что удостоен звания Героя Советского Союза. Документы гласили: за успешное форсирование реки, прочное закрепление плацдарма и проявленную отвагу. Газеты почти ежедневно сообщали о присвоении высокого звания богатырям Днепра. 12 января 1944 года Иван Кузовков прочитал в указе фамилию своего напарника по посту в Мавзолее — Степана Шутова...

Командарм называет дивизию И. Кузовкова «идущей впереди». Только на днепровских плацдармах 48 ее воинов стали Героями Советского Союза! Такой же идущей впереди была и танковая бригада С. Шутова. Вскоре и Шутову и Кузовкову доверили руководство корпусами. Некогда они шли плечом к плечу на пост № 1. Так же они шли теперь к победе.

...Танки полковника С. Шутова штурмовали заоблачные кручи Трансильванских Альп — кратчайший путь к венгерской границе. Под рев моторов и лязг гусениц радист принял по-

здравление командиру со второй «Золотой Звездой». Родина высоко оценила его заслуги и бесстрашие в Корсунь-Шевченковской, Ясско-Кишиневской и в других победоносных битвах. Но Степан Шутов считал, что обязан высокой наградой командирам машин, механикам, водителям, башенным стрелкам, заряжающим, автоматчикам — живым и павшим боевым друзьям — героям 20-й гвардейской...

Через несколько дней полковник С. Шутов был тяжело ранен. Взрывом артиллерийского снаряда ему оторвало левую руку и перебило обе ноги.

...В декабре 1944 года в московский госпиталь привезли генерала с забинтованной головой. Он начал медленно расстегивать шинель, но вдруг остановился. «Неужели Степан?» Ни первая седина, ни морщины, ни даже пустой левый рукав не изменили облика человека в пижаме, стоявшего в вестибюле.

— Здравствуй, Шутов! — окликнул его генерал.

— Ваня!

Они крепко обнялись.

Так неожиданно встретились дважды Герой Советского Союза Степан Шутов и Герой Советского Союза Иван Кузовков...

В 1946 году белорусы избрали полковника в отставке Степана Федоровича Шутова депутатом Верховного Совета СССР, а затем депутатом Верховного Совета республики. Бывший батрак стал заместителем министра социального обеспечения, членом партколлегии при ЦК Компартии Белоруссии.

Ветеран поста № 1 скончался от старых ран весной 1963 года, накануне выхода в свет написанных им воспоминаний.

Его друг генерал-полковник И. А. Кузовков вышел в отставку в 1969 году и живет в Москве. Он заместитель председателя Советского комитета ветеранов войны.

В их жизни много схожего. С детства знали нужду, рано стали кормильцами младших братьев и сестер, добровольцами пошли в Красную Армию, стали командирами. Это, пожалуй, закономерно. Но глядя на стройные фигуры молодых часовых, стоявших лицом к лицу у входа в Мавзолей Ленина, вряд ли кто мог предсказать, что это два будущих Героя Советского Союза.

В 60-х годах генерал И. А. Кузовков как представитель Министерства обороны, а в 70—80-х как председатель Московской секции Советского комитета ветеранов войны иногда сопровождал иностранные делегации, которые посещали Мавзолей Ленина. Поляки и чехи, болгары и румыны, венгры и кубинцы, корейцы и вьетнамцы... Шестьдесят лет назад, когда Иван Кузовков и Степан Шутов несли вахту у саркофага вождя, эти народы стонали под игом капиталистов и колонизаторов. Ныне их посланцы с благоговением возлагают венки к Мавзолею, выражая признательность Ленину. Они замедляют шаги у хрустального саркофага. И каждый раз, сопровождая гостей, генерал И. А. Кузовков вспоминал 1925 год, когда он и Степан Шутов стояли в этом Траурном зале часовыми. Как много изменилось в мире с тех пор!.. Тогда под знаменем Ленина жили 150 миллионов свободных граждан России. А те-

перь — сотни миллионов в Европе, Азии и Латинской Америке.

КАПИТАН ПАВЛИТО

Среди часовых поста № 1 было три курсанта, ставших дважды Героями Советского Союза.

1929 год. Часовой у входа в Мавзолей Ленина — курсант Александр Родимцев испытывает удивительное чувство: будто находится в центре мира, куда устремлены взоры всего человечества, где сходится множество дорог. Он глядит на вереницы людей, идущих в Мавзолей, и видит, что Ленин нужен миллионам и миллионам.

Через несколько лет Александр Родимцев с новой силой почувствовал, как дорог Ильич всем борцам за свободу.

Альбасете... Осенью 1936 года в этот малоизвестный испанский город стекались антифашисты из 54 стран. Здесь формировали интернациональные бригады, чтобы преградить путь франкистам, поднявшим мятеж против республики.

На вопрос о специальности русский доброволец Александр Родимцев ответил: «Пулеметчик». Ему обрадовались: пулеметчиков было мало. Капитан Павлито — такое имя получил советский волонтер — и его товарищи подготовили около батальона пулеметчиков. Они ремонтировали оружие под огнем, на поле боя, пренебрегая опасностью. Держали в боевой готовности пулеметы более 20 устаревших систем. Для них, как и для всех советских людей, для всех демократов, зов Испании, на которую напали фашисты, был священным.

Мадрид!.. Уже почти пятьдесят лет это слово звучит как символ стойкости и братства. Бессмертная слава города рождалась на глазах всего мира. В середине октября мятежники прорвали первую линию обороны республиканцев и вышли к окраинам столицы. В газетах мелькали названия — Университетский городок, парк Касса-дель-Кампо, Карабанчель-Бахо. По этим пригородам проходили окопы.

...Мятежники шли в атаку. Молча, без выстрелов, плотным строем, действуя на нервы. Вот их сапоги загремели по мосту через Мансанарес. Вдруг — пулемет республиканцев отказал. «Защитники моста дрогнули,— вспоминал Александр Ильич Родимцев.— Еще секунда — они бы отступили, враг прорвался бы по эту сторону Мансанареса, а стало быть, и в город». А отсюда до центра всего 2 километра.

Капитан Павлито бросился к пулемету, стукнул по нему кулаком. Лента выправилась, и офицер прирос к застрочившему «максиму». Мятежники на мосту падали как скошенные. Вскоре уцелевшие заколебались и бросились прочь...

Не раз на привалах и в минуты затишья интербригадовцы и испанцы расспрашивали капитана про Москву, Красную площадь, Мавзолей Ленина. Они молча слушали, отодвинув котелки и забыв про сигареты. Он рассказывал о неиссякаемом потоке людей, идущих к Ильичу, о волнующих демонстрациях и парадах перед усыпальницей вождя. Капитан говорил и видел, что каждый интербригадовец — немец и серб, француз и грек, каждый испанец отдал бы лучшие минуты своей жизни, чтобы побывать в

Мавзолее, поклониться человеку, чей образ каждый носил в своем сердце.

Они знали: только страна Ленина протянула руку Испанской республике, которую Гитлер и Муссолини превращают в подопытный полигон, где под вражескими бомбами гибнут города, гибнут дети; они знали: английские и французские правители выдали Испанию фашистам.

Бойцы склонялись над вырезанными из коммунистической газеты «Мундо обреро» фотографиями Красной площади.

Десять месяцев пробыл в Испании Александр Родимцев — один из почти 3000 советских добровольцев. Сын оренбургского батрака, убитого дутовцами, сражался, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Рядом с ним воевали и другие ветераны поста № 1. Они всем сердцем привязались к испанскому народу; его борьба стала и их кровным делом.

22 октября 1937 года старшему лейтенанту А. И. Родимцеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Указ гласил: «За образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленный в этом деле героизм».

Текст указа, составленный в общих выражениях, не упоминавший даже слова «Испания», тем не менее соответствовал истине: науку побеждать фашистов многие советские командиры начали постигать в окопах Университетского городка Мадрида.

Осенью 1942 года гитлеровские радиомашины кричали над пылавшими развалинами Сталинграда: «Родимцев будет барахтаться в Волге!» Ветеран поста № 1 вспомнил об этих воплях весной 1945 года на Эльбе, принимая капи-

туляцию фашистских полков. Он не сомневался в таком исходе еще на Мансанаресе.

...После войны дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А. И. Родимцев побывал в Волгограде. На площади Павших борцов капитан Павлито склонил голову у могилы, где покоится прах другого капитана.

Пасионарии сын и солдат,
Он в сорок втором защищал Сталинград,
Он пел, умирая
За эти края:
«Россия, Россия,
Россия моя!»

О. Берггольц

Два капитана — родом из оренбургского села Шарлык и бискайского Соморростро. Оба командовали пулеметчиками: Александр Родимцев — у Мадрида, Рубен Ибаррури — у Волгограда. Русский и испанец... Их языки не похожи. По-разному звучат на русском и испанском слова «победа», «свобода», «дружба». Но они знали единый пароль для человеческой надежды. Это слово — Ленин.

УЗНИК ХАММЕЛЬБУРГА

Многие часовые поста № 1 погибли в сражениях с врагами — одни на поле боя, другие в фашистских застенках. Но они никогда не кланялись пулям, не склоняли голову перед палачами. И даже павшие, они остаются с нами, со своим народом, со своей Родиной, помогают крепить дело, за которое отдали свои молодые жизни.

...Дождливым мартовским днем 1942 года в фашистский лагерь военнопленных Хаммельбург привезли истощенного человека с грязной

повязкой на голове и в наручниках. В карточке узника значилось: «Большевик по убеждениям. Психологической обработке не подлежит».

...Пройдет еще долгих пятнадцать лет, прежде чем его состарившиеся родители и выросшая дочь узнают, вместе со всей страной, о величественной и трагической судьбе пропавшего без вести Григория Тхора [1].

...15 сентября 1941 года генерал-майор авиации Г. И. Тхор вылетел на разведку. Этого требовала тревожная и неясная обстановка в тылу Юго-Западного фронта. Опытный летчик увидел: две танковые лавины немцев, катившиеся навстречу друг другу (с севера и юга), соединились и перерезали последние восточные коммуникации наших армий, оборонявших Киев. Пути отхода всем войскам фронта были отрезаны.

Генерал Тхор мог вылететь из зоны окружения на боевом самолете или на имевшемся у него «У-2». Но он не посмел оставить в беде товарищей. Окруженные понесли большие потери, были дезорганизованы и в значительной мере утратили боеспособность. Некоторые части перемешались, и управлять ими стало очень трудно. В этих тяжелых условиях генерал Тхор возглавил колонну, оставшуюся без командира.

---

[1] При написании настоящей главы использованы материалы очерка Б. Мясникова «Верные долгу», книги «Московское краснознаменное», повестей А. Юрковой «Подвиг генерала Тхора», А. Дудко и Л. Любич «Генерал Тхор», стенограмма встречи бывших узников Хаммельбурга, приказ министра обороны СССР № 87 от 12 марта 1959 года, а также материалы переписки и бесед автора с В. И. Тхором и бывшими подпольщиками Хаммельбурга.

В непрерывных боях с превосходящими силами противника авиационный генерал, ставший волею судьбы пехотным командиром, вел красноармейцев к новой линии фронта. Близ сел Мелехи и Загребелье дорогу преградили вражеские парашютисты. Грянул жестокий и неравный бой. Тхор был тяжело ранен в плечо и голову. Он пришел в сознание в захваченной фашистами деревне. Тяжелым было это пробуждение...

В 1929 году часовой поста № 1 Григорий Тхор писал в курсантской газете «Кремлевец»: «Если капиталистический мир посягнет на Страну Советов, мы, школа имени ВЦИК, как один готовы выступить под знаменем Ленина на защиту октябрьских завоеваний пролетарской революции». Эти слова стали его жизненным девизом...

До 1939 года наша страна фактически не воевала, если не считать пограничных столкновений, спровоцированных японцами. Однако Г. Тхор стал в эти годы участником двух больших войн. За неполные три года, начиная с мая 1936 года, Родина наградила его пятью орденами — орденом Ленина, тремя Красного Знамени и орденом «Знак Почета». Для того времени это было почти беспрецедентно. Г. Тхор громил фашистов в небе Испании, а потом был среди тех, кто, защищая китайцев от японской агрессии, уничтожал хваленые соединения «Воздушный самурай» и «Четыре величайших короля неба». Там полковника Тхора — с лета 1938 года военно-воздушного атташе и главного советника по авиации в Китае — наградили орденом этой страны. Тхор планировал действия наших бомбардировщиков на Халхин-Го-

ле... В 1940 году 37-летнему комбригу в числе первых присвоили звание генерал-майора авиации.

В начале Отечественной войны летчики его 62-й авиадивизии отличились при защите Киева. «С первых же дней вражеского штурма,— вспоминал Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян,— большую поддержку обороняющимся оказали бомбардировщики 19-й и 62-й авиационных дивизий». Несколько раньше летчики 62-й дивизии оказали эффективную помощь нашим войскам, сражавшимся на луцком направлении. «Когда противник прорвался к реке Случь,— вспоминал генерал-полковник М. И. Потапов,— нас здорово выручили летчики Тхора. Благодаря интенсивным бомбардировкам вражеской техники, живой силы врага и его резервов 62-я бомбардировочная авиадивизия задержала наступающие войска противника на рубеже Случи ровно на три дня».

...Первую ночь в Хаммельбургском лагере Г. Тхор провел в карцере. Мы не знаем, о чем думал он в эту первую свою лагерную ночь. Может быть, вспоминалось утопавшее в садах родное Подлипное, где с шести лет работал подпаском у помещиков и кулаков, чтобы помочь отцу прокормить 9 ребячьих ртов. Может быть, снилась ему хата под соломенной крышей — переделанная отцом из купленного у кулака сарая. Может быть, грезилось, что снова приехал домой в отпуск. И хата Тхоров, как всегда бывало в такие дни, битком набита родственниками, друзьями и соседями, пришедшими послушать рассказы Григория о Кремле, Мавзолее, где он с товарищами-курсантами охраняет Ильича, о руководителях страны и партии... Мавзолей Ле-

нина Тхор называл «высшей святыней человечества».

Хаммельбургский офицерский лагерь поначалу отличался от других. Здесь не дымили трубы «фабрик смерти». Гитлеровские власти пытались на первых порах соблюдать тут видимость законности, видимость человеческого обращения с пленными. К ним обращались по званию: «господин полковник», «господин генерал». Фашисты объявили о создании «исторического кабинета», где желающие могут-де писать историю боевых действий своей части. Эти «труды» с нетерпением ждала их разведка. С раннего утра и до поздней ночи над бараками гремело радио. Бравурные марши, потом «победная» сводка с фронта — взят еще один советский город, затем — опять рев марша. Однако, не полагаясь на всю эту демагогию, гитлеровцы установили голодный паек. Пленные съели всю траву на газонах и листья на деревьях, оказавшихся на территории лагеря. Немцы сулили лишнюю пайку хлеба и дополнительный черпак баланды тем, кто будет сотрудничать с ними.

Каждое утро истощенные люди выстраивались на поверку. На правом фланге — генералы, на левом — лежали трупы узников, умерших за ночь. После переклички трупы, облитые известкой, везли на тележках мимо строя, чтобы еще раз показать, что ждет тех, кто не будет служить Германии, чтобы усилить состояние обреченности, толкнуть на предательство.

Хаммельбург стал полигоном, где гитлеровская пропаганда испытывала свои новейшие методы «германизации». Фашисты старались пробудить в пленных самые низменные чувст-

ва, дать простор подлости, предательству, национальной розни.

Григория Тхора, отвергнувшего на допросах в Берлине предложения гитлеровцев перейти на их сторону (ему сулили пост начальника задуманного ими центра по обучению пленных советских летчиков полетам на немецких самолетах для войны якобы против англичан, а затем — должность командующего всей «национальной русской авиацией», виллу, земли и леса на Украине), привезли в Хаммельбург...

С тележки, которую два обессиленных пленных тянули к кухне, покатилась брюква. Шедший мимо заключенный схватил одну и вцепился в нее зубами.

Разъяренный охранник сбил его с ног и стал бить.

— Стой, негодяй! — раздался гневный голос. Увидев зверскую расправу, Тхор подбежал и схватил охранника за руку, сжимавшую окровавленную резиновую дубинку.

— Стой, негодяй! Кто дал тебе право убивать человека?

Охранник испуганно озирался. Со всех сторон раздавались голоса: «Так его, гада!»

Вскоре майор Николай Панасенко сказал Тхору:

— Есть верные люди, товарищ генерал. Они ждут вас сегодня вечером в инфекционном бараке.

Волевой и энергичный, Тхор сразу выделился среди узников. Один из них — Александр Поносов вспоминает, что каждая беседа с Тхором врéзалась ему в память на всю жизнь. «Ла-

герь — это тоже война,— говорил Тхор.— И нам надо не просто бороться с тюремщиками за свою жизнь, а всеми способами воевать с фашизмом, доказывать неизбежность его поражения, удерживать колеблющихся от гибельного падения. И первое средство к этому — вера в победу своей Родины». А для этого требовалось товарищеское слово, способное придать силу и бодрость. Правда, это опасно: за коммунистическую пропаганду полагался расстрел. Но думает ли солдат, идущий в атаку на фронте, о пулях, могущих оборвать его жизнь? «Лагерь — это тоже война...»

Журналистка А. Юркова рассказывает: «Каждое утро Тхор подходил к доске, где немцы вывешивали фронтовые сводки. По пути к нему присоединялось много военнопленных.

— А ну, ребята, почитаем, о чем они сегодня брешут.— И начинал зло комментировать сводку.

— Так...— доносился его глуховатый голос.— Число сбитых русских самолетов... Эка, куда хватили! Считаем наоборот.

Чтение прерывалось крепкими шутками, смехом. Сводки воспринимались как вранье. И вскоре люди перестали подходить к доске объявлений».

Тхор смело выступил на собрании пленных, которое проводил геббельсовский пропагандист, и сказал, что Красная Армия освободит Европу от фашизма. Тхор подписал коллективный протест верховному командованию германской армии с требованием немедленно прекратить расстрелы советских военнопленных.

Его вызвали в гестапо и пригрозили виселицей. Но Тхор ответил: «Я обязан разговаривать

с командирами моей армии, обязан говорить им правду, и никто не может заставить меня поступать иначе».

Предатель Власов, посетивший Хаммельбург и две недели пытавшийся вербовать там добровольцев в свою так называемую «русскую освободительную армию», вынужден был заявить фашистам, что настроение военнопленных его «сильно разочаровало».

Утром 7 ноября все здания лагеря оказались оклеенными лозунгами и покрытыми надписями: «Да здравствует 25-я годовщина Октябрьской революции!», «Не верь врагу — помни Родину!», «Смерть изменникам!» На стенах бараков, на асфальте виднелись буквы «СССР» и пятиконечные звезды.

Гестапо пришло в ярость. Гитлеровцы увидели, что им не удалось сломить советских людей. Они не смогли почти никого завербовать в свои фашистские организации. В бессильной злобе немцы перевернули все вверх дном в бараках, устроили «генеральный обыск». Пленных лишили на несколько дней пищи. Начались избиения и допросы. Гестапо искало подпольщиков. Патриоты выиграли поединок с Геббельсом: идея создания Хаммельбургского лагеря как центра вербовки потерпела крах.

В декабре 1942 года гестаповцы увезли Тхора. Потом последовали новые репрессии. Военнопленных из Хаммельбурга начали переводить в другие лагеря.

39-летняя жизнь Григория Тхора овеяна легендами. Советский генерал-коммунист, личным примером открытого сопротивления гитлеров-

цам вселявший в сердца товарищей по плену бодрость и уверенность в свои силы, помогавший им сохранять высокое и гордое достоинство человека и бесстрашно бороться за дело советского народа, стал легендарен еще при жизни. Палачи каторжного лагеря Флоссенбург еще таскали его на многочасовые допросы, с которых его приносили на окровавленных носилках, а по лагерям и тюрьмам гитлеровской Германии гуляла крылатая легенда об этом человеке. В ней говорилось, что молодой советский генерал поднял весь лагерь — «сам в побег ушел и людей с собой увел». И летает он «на самолете по всей проклятой фашистской земле... Летает по всем лагерям и командам, добрый и храбрый, сердце его любовью к людям светится. Накормит, напоит, оружие в руки даст и уводит с собой».

Неизвестно, где рожденная — на изнурительном этапе, в ледяном карцере или в камере смертников, в минуты особенно нахлынувшей тоски по Родине или в последние часы жизни — эта легенда перелетала через каменные казематы и ряды колючей проволоки.

Из Хаммельбургского лагеря вышла и долго жила после войны другая легенда о Г. Тхоре. Она нашла отражение и в первой статье о Хаммельбургском концлагере, опубликованной в 1956 году в «Красной звезде». Тхор там назван Героем Советского Союза. Журналист принял молву, гулявшую по лагерям, за факт. Эта ошибка символична. Она вполне понятна и даже закономерна, когда речь идет о таких людях, как Тхор.

Расстреляв Тхора январским утром 1943 года, гестаповцы думали, что этот генерал-комму-

нист навсегда ушел из жизни. А Тхор остался в строю... Весной 1959 года во всех ротах, батареях, эскадрильях и на кораблях Советских Вооруженных Сил был зачитан приказ министра обороны СССР «О зачислении генерал-майора авиации Г. И. Тхора навечно в списки Н-ского бомбардировочного авиационного полка»... Это был торжественный день в гарнизоне. На плацу выстроились шеренги летчиков. Вынесли знамя части. У празднично украшенного портрета Г. И. Тхора застыл почетный караул лучших офицеров полка. К авиаторам, удостоенным чести принять в свои ряды вечным правофланговым прославленного воина, приехали руководители военно-воздушных сил округа, летчики, знавшие Тхора, дочь генерала Тамара. Пилоты говорили на митинге, что будут достойны славы героя. Грянуло дружное «ура», и затем стройные колонны полка прошли мимо трибуны, мимо портрета бессмертного генерала.

ДЕПУТАТ САБИРАБАДА

Некоторые часовые поста № 1 стали депутатами Верховного Совета СССР.

...1933 год. Начальник почетного караула у Мавзолея Афанасий Щеглов проверяет ночью посты.

Прожекторы с крыши ГУМа освещают красные уступы усыпальницы. Это новый — гранитный Мавзолей, спроектированный, как и два прежних, деревянных, архитектором А. В. Щусевым. Украина прислала гранит для облицовки стен, Карелия — кварцит для дорогого имени

ЛЕНИН. Белоруссия, Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Российская и Закавказская федерации — все республики подарили гранит для 36 колонок под самую верхнюю — венчающую плиту. Мавзолей принял цвета государственного траурного флага: красный — символ победы революции, черный — глубокой скорби по вождю.

Закончив обход, караульный начальник не спешит уйти. Через тридцать лет, рассказывая об этом, Афанасий Федорович Щеглов не мог сдержать волнения.

— Я часто заходил в Мавзолей и подолгу стоял у саркофага, глядя на Ильича. Я чувствовал себя, как на исповеди, и спрашивал себя: «Похож ли ты, Афанасий Щеглов, на ленинца, на того, каким должен быть коммунист?» Я вспоминал события дня и думал: «Все ли ты так сделал, как учил Ильич?»

Сын сельского сапожника Афанасий Щеглов начал свой путь на пост № 1 морозным днем 1924 года. Поезд, в котором 12-летний мальчик ехал в школу, вдруг остановился на полустанке. Все вышли из вагонов и, несмотря на стужу, сняли шапки. Загудел неподвижный паровоз, раздирая стоном окрестности. На щеках людей замерзали слезы... В те минуты в далекой Москве вносили Ленина в Мавзолей...

Через пять лет курсанты Афанасий Щеглов и Борис Смирнов впервые стали на пост у входа в Мавзолей Ленина. Афанасий не сразу унял дрожь в ногах — так волновался.

Прошли месяцы. Его назначили разводящим и наконец начальником почетного караула.

Время не сотрет в памяти тех ночных раздумий у Мавзолея. Привычку мерить себя стро-

гой меркой ленинца Афанасий Федорович сохранил на всю жизнь.

...Летом 1941 года противотанковый полк капитана Щеглова вышел навстречу фашистам, рвавшимся к Ленинграду. Артиллеристы ударили прямой наводкой. Вспыхнули головные танки. Но из черного дыма выползали новые... Они шли прямо на красноармейцев, стреляя из пушек, стуча пулеметами, натужно ревя моторами, лязгая железом. Все ближе накатывается на капитана многотонная махина на гусеницах, и надо, собрав нервы в кулак, пересилив дрожь нетерпения и страха, подпустить ее как можно ближе и поразить выстрелом в упор... Отбита одна атака, другая... Перевязав рану, капитан Щеглов успевал и командовать и, заменяя погибших, быть то наводчиком, то заряжающим. Земля дрожала от взрывов. Казалось, не сдержать натиска! Но уцелевшие пушки усиливали темп стрельбы. На участке капитана Щеглова вражеские танки не прорвались... Лишь позднее, когда фашисты глубоко обошли Гатчину с флангов, пришлось по приказу отойти.

Зимой гитлеровцы объявили денежную награду за голову Щеглова: его лыжный полк четырежды громил их тылы, отвлекая внимание врага от подготовки нашего контрудара.

Зимой 1944 года Ленинградский фронт перешел в наступление. Хотя город на Неве был уже деблокирован, враг еще находился у его западных и южных пригородов и обстреливал улицы из пушек.

63-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А. Ф. Щеглова, пройдя под непрерывным огнем 20 километров, подошла к Вороньей Горе. С этой крутой возвышенности два года

жестоко били по Ленинграду немецкие тяжелые орудия. Корректировщики врага, сидя в густой чаще, видели город без биноклей. Они видели также Кронштадт, Пушкин, дороги, движение наступающих советских войск. От взятия этой сильно укрепленной высоты зависел успех всей операции.

Певец Ленинградского фронта М. Дудин сказал: у каждого в жизни есть своя гора.

Есть вершина у каждого в яростном этом потоке —
Средоточие сил и открытий заветных пора.
...Я листаю года. Я читаю событья и сроки.
Для души моей стала вершиной Воронья Гора.

Да, ее героический штурм стал вершиной, венцом ратной доблести всех воинов 63-й гвардейской...

Полковник А. Ф. Щеглов видел: взять Воронью Гору ударом в лоб невозможно. Каждый метр подступов к ней простреливается перекрестным огнем. Обход затруднялся множеством вражеских укреплений. В дивизии оставалось мало сил. Но каждый солдат стоил пятерых. Еще перед наступлением они научились преодолевать минные поля и проволочные заграждения, идти за огневым валом своей артиллерии; офицеры знали досконально вражескую оборону... Как ни трудно, но взять Воронью Гору нужно...

Темной ночью комдив 63-й бросил в проход, пробитый ударными группами автоматчиков, танки с десантниками. Два полка быстро окружили высоту. Враг не сразу заметил опасность. Чтобы не выдать себя, бойцы, затаившись до утра, пропустили ехавшие на Воронью Гору немецкие автомашины.

На рассвете начался штурм. Напор гвардейцев был яростен и неудержим... Впереди атакующих шли командиры, за ними — знаменосцы. Бойцы карабкались по обледенелым склонам, цепляясь за стволы и торчавшие из земли корневища деревьев. С другой стороны, утопая по колено в снегу, сквозь густой ельник пробирались автоматчики; они вплотную подкрадывались к немецким штабным землянкам, сея панику в тылу врага... В 10 часов утра комдив увидел в бинокль: над Вороньей Горой заалел «обтрепанный, израненный, измятый, на лыжной палке вздернутый флажок!»

Развивая успех, части Красной Армии разбили врага, более двух лет осаждавшего город Ленина.

За победу под Ленинградом А. Ф. Щеглов в числе других отличившихся воинов был удостоен звания Героя Советского Союза. В 32 года он стал генерал-майором.

«Гвардейцы Щеглова не знали отступлений,— гласит брошюра Политуправления фронта.— Они рвались на запад и смели на своем пути все преграды». Солдаты звали его генерал Вперед.

Так получилось, что в двух войнах — финской и Отечественной — А. Ф. Щеглов защищал город Ленина. Это символично. Но нет сомнения, что ветеран поста № 1 сражался бы так же доблестно в степях Украины и в тундре Заполярья, в горах Кавказа и в болотах Полесья. Ибо вся наша Советская страна — детище великого Ленина.

...Прекрасна утренняя Красная площадь. Солнце, вставшее из-за собора Василия Блаженного, заливает ее ясным светом, ласкает черно-

красный камень Мавзолея, золотит шпили и грани рубиновых звезд кремлевских башен. Лишь Кремлевская стена в тени, и кажется, что природа делает это умышленно, превратив ее как бы в траурную кайму к красным плитам усыпальницы вождя.

Летним утром 1964 года к Спасским воротам шли группами и в одиночку мужчины и женщины в европейских костюмах и азиатских халатах. На их груди алели флажки — депутатские значки. А у широкоплечего генерал-полковника, кроме того, сияла «Золотая Звезда» Героя. Трудящиеся города Сабирабада избрали командующего войсками Бакинского округа ПВО и члена ЦК Компартии Азербайджана А. Ф. Щеглова депутатом Верховного Совета СССР.

Депутаты обсуждали вопрос о мерах по выполнению Программы партии в области повышения благосостояния народа. Правительство и партия предложили повысить зарплату еще 18 миллионам человек — учителям, врачам, работникам коммунального хозяйства — и ввести пенсии для 6,5 миллиона престарелых колхозников.

Депутат А. Ф. Щеглов прикинул: зарплата азербайджанских учителей увеличится примерно на 14 миллионов рублей, а медиков — на 12 миллионов. Бывшая царская колония, где 90 процентов коренного населения не умело читать и писать, сейчас — республика сплошной грамотности. Болезни, веками косившие дехкан, ликвидированы даже в самых глухих районах. Он представил, как радостно искрятся глаза сабирабадских учителей и врачей, как одобрительно кивают белыми бородами колхозные аксакалы... Мудрые и человечные законы!

Депутат А. Ф. Щеглов проголосовал за них. Он знал, что его избиратели скажут партии и Советской власти: «Чох сагол!» — «Большое спасибо!»

Выйдя из Спасских ворот, он шел мимо Мавзолея Ленина. Сегодня доступ туда уже был прекращен. Но около усыпальницы, как всегда, стояли десятки людей. Москвичи и приезжие, советские граждане и иностранцы. С разными судьбами и убеждениями. Они пришли сюда, ибо нет на земле человека, который не мечтал бы увидеть Ленина.

В 1966—1974 годах генерал армии А. Ф. Щеглов был первым заместителем главнокомандующего Войсками противовоздушной обороны СССР. С апреля 1974 года он — представитель главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора при Войске Польском.

В 1974 году в связи с изменением знаков различия для генералов армии бывшему часовому поста № 1 Афанасию Щеглову вручена «Маршальская звезда».

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ БЕРЛИНА

Многие часовые поста № 1 — герои великого освободительного похода Красной Армии в 1944—1945 годах. Их имена помнят и чтут в зарубежных городах.

...1930 год. На вахте у входа в Мавзолей Ленина — курсант Даниил Шишков. «Верный путь указал нам Ильич,— думает Даниил, крепко сжимая винтовку.— Но нелегкий. По этому пути пойду и не сверну. Не пожалею ни сил, ни

жизни своей». И он мечтает о будущем, о всемирном братстве людей труда, к которому через бои и победы идет Страна Советов.

...21 апреля 1945 года 230-я стрелковая дивизия полковника Д. К. Шишкова одной из первых ворвалась в Берлин.

Радость и ликование охватили бойцов — ведь это был последний вражеский рубеж! Почти четыре года шли они сюда, ждали этого исторического момента. И вот он наступил.

Огромный город — столица фашистского рейха — утонул в грохоте боев и дыме пожаров. Бойцы продвигались вперед с большим трудом. Почти все каменные дома, превращенные фашистами в опорные пункты, брали с боем. Сквозь клубы красной кирпичной пыли виднелись баррикады, завалы, металлические ежи, груды развалин. Круглые сутки гремели взрывы снарядов и мин, трещали автоматы. С грохотом рушились горящие здания...

Гитлеровцы дрались с фанатизмом и яростью обреченных. «Оборонять столицу до последнего человека и последнего патрона...— гласил приказ нацистским войскам.— Борьба в Берлине может решить исход войны». Стоя одной ногой в могиле, Гитлер и его приспешники призывами к продолжению войны обрекали на бессмысленную гибель миллионы немцев — солдат, сражавшихся на улицах, а также детей, женщин, стариков, прятавшихся в подвалах. «Если нам суждено уйти,— заявил в эти дни Геббельс,— то пусть тогда весь мир содрогнется».

Чем дальше в глубь Берлина продвигались пехотинцы полковника Д. К. Шишкова, тем упорнее становилось сражение. Из каждого дома, из каждого окна фашисты вели ожесточен-

ный огонь. Бойцы штурмовых групп короткими перебежками наступали по улицам и дворам в дымном воздухе, в котором тяжело дышалось, на зубах хрустели кирпичная пыль и стеклянное крошево. Они нащупывали проходы между опорными пунктами врага и атаковали их с тыла и флангов.

В ночь на 22 апреля, когда огонь сражения бушевал над городом, полковник Д. К. Шишков получил необычное донесение. Только что в районе Карлсхорста его разведчики задержали трех немецких рабочих. Они заявили, что сами искали встречи с воинами Красной Армии, и просили провести их к старшему начальнику.

Немецкие рабочие... Полковник Даниил Шишков помнил: в годы его учебы в Кремлевской военной школе имени ВЦИК ее часто посещали иностранные рабочие делегации, в том числе и немецкие. В штабе школы хранилось Красное знамя, врученное курсантам Кларой Цеткин. Передавая этот дар германских политэмигрантов, прославленная революционерка выразила глубокую признательность кремлевцам за их вклад в защиту завоеваний Октября и пожелала им больших успехов в учебе. Кремлевские курсанты вручили Кларе Цеткин алое знамя для передового отряда немецких коммунистов — «Красной сотни Гамбурга» и передали им боевой пролетарский привет.

Полковник Шишков знал: Гитлер мог убить тысячи германских коммунистов, но нельзя убить идеи коммунизма. Казнями и концлагерями, отупляющей пропагандой и нацистской демагогией фашистам удалось сбить с толку и запугать миллионы соотечественников. Но не всех!..

Может быть, эти немецкие рабочие, которых привели к нему, и есть представители истинной Германии, ее прошлого и будущего, ее совести и надежды, освященных именами Маркса и Энгельса, Цеткин и Тельмана...

Полковник Шишков приказал ввести немцев.

Войдя в комнату, они упали на колени и начали что-то возбужденно и торопливо говорить. Но Д. К. Шишков понял только часто повторяемое слово «генераль, генераль...». Так они обращались к нему.

— Встаньте! — сказал полковник.— Иначе разговаривать с вами не буду.

Бывший шахтер, он сам никогда не унижался и не терпел, если это делали другие. Рабочие поднялись, и переводчик изложил то, что сообщил один из них — Кеплер.

Рабочие электростанции Клингенберг просят ускорить наступление Красной Армии, чтобы спасти их предприятие от взрыва, подготовленного эсэсовцами. Уничтожение крупнейшей электростанции Берлина оставит без света и энергии большой город, а ведь его надо будет восстанавливать; электроэнергия понадобится, сказал Кеплер, «и вам, и нам». На территории Клингенберга — около ста рабочих и инженеров, а в бункерах прячутся от бомб и снарядов их дети и жены. Эсэсовцы никого не выпускают, и если они взорвут электростанцию, то погибнут все, в том числе дети. Спасите Клингенберг и наши семьи! — заклинали рабочие.

Днем комдив видел огромное кирпичное здание электростанции с высокими каменными трубами, с могучими стенами старинной клад-

ки, с маленькими окнами, похожими на бойницы. Такой дом гранатами не возьмешь! Обороняющимся помогали также горы шлака.

О важном сообщении немецких рабочих полковник Д. К. Шишков тут же доложил по телефону командиру корпуса генералу И. П. Рослому. Вскоре раздался ответный звонок.

— Даниил Кузьмич! — донесся сквозь канонаду голос комкора...— Из штаба армии приказали: электростанцию взять и во что бы то ни стало предотвратить взрыв. Тщательно разберитесь в обстановке и к утру доложите ваше решение.

Это была трудная задача: не ослабляя наступательного натиска, в ходе боя перенацелить полки. Полковник Д. К. Шишков и штабные офицеры склонились над картой. Обстоятельно проанализировав положение, комдив решил брать электростанцию обходным маневром.

...На рассвете 22 апреля все пушки и минометы дивизии открыли мощный огонь по фашистским укреплениям, окружавшим электростанцию. Артиллеристы окружили энергоузел, чтобы уничтожить эти укрепления и помешать подходу вражеских резервов. Ни один снаряд, ни одна мина, приказал Д. К. Шишков, не должны упасть на Клингенберг. Тем временем два стрелковых полка, скрытно приблизившись к электростанции на 50—100 метров, начали стремительно обходить ее с флангов. Третий полк бросил вперед штурмовые группы, чтобы, не дав эсэсовцам опомниться, захватить электростанцию ударом в лоб. Бойцы неудержимо рвались к Клингенбергу. Ни танки, ни контратаки противника не могли остановить их. Одной из штурмовых групп удалось захватить в

плен двух вражеских саперов. При допросе выяснилось, что они участвовали в минировании электростанции. Саперы начертили схему расположения зарядов и электропроводки и согласились помочь в размипировании энергоузла. Под прикрытием минометного и автоматного огня штурмовых групп красноармейцы с помощью саперов нашли провода и перерезали их, предотвратив тем самым подрыв Клингенберга извне.

«Вокруг электростанции кипел жаркий бой,— вспоминал командир корпуса,— а в машинном зале уже орудовала группа разведчиков и саперов... Кеплер незаметно провел их туда через угольный двор по каким-то ему одному известным галереям и переходам. К ним присоединился и инженер электростанции Карл Мейнинг. Сначала он удивился тому, что русские солдаты и офицеры, представители армии-победительницы, подвергают себя столь опасному риску. А потом, увлеченный общим порывом, активно включился в работы по спасению электростанции». Карл Мейнинг, Кеплер и другие рабочие показали красноармейцам, где проложены провода к взрывчатке. Пленные саперы указали камеры, куда закладывали тол. Взрывчатка была сразу изъята.

Комдив Д. К. Шишков напряженно следил с НП, как штурмовые группы короткими перебежками приближаются к электростанции. Когда сражение переместилось на ее территорию, он выехал туда. Оставив автомашину на одной из улиц (путь преграждали развалины), комдив с адъютантом пешком добрались до Клингенберга. Подбежавший командир саперов доложил: заряды и мины обезврежены. Полковник

Шишков приказал еще раз проверить все помещения.

Бой еще продолжался, когда комдив с группой офицеров прошли в машинное отделение. Сюда не проникал шум боя, лишь ровно гудела турбина. За пультом сидел дежурный рабочий. Беспокоясь, все ли заряды обнаружены, Д. К. Шишков спросил его, показывая рукой на помещение:

— Мины?

Дежурный не знал по-русски, но все же понял вопрос. Он показал полковнику кусачки, давая понять, что перекусил ими проводку, присоединенную к взрывчатке.

И полковник протянул дежурному руку. В разгар жестокой битвы, полыхавшей над Берлином, советский офицер, бывший шахтер Даниил Шишков и немецкий рабочий Альфред Вюлле обменялись рукопожатием. Советский коммунист и немецкий антифашист... Это было не просто рукопожатие двух людей. Оно символизировало верность советских людей и лучших сынов германского народа пролетарскому интернационализму.

...Выйдя во двор, полковник увидел, что бой затихает. Все реже звучали выстрелы. С верхних этажей вели пленных. Комдив облегченно вздохнул: электростанция спасена. Эсэсовцы успели взорвать лишь склад. Д. К. Шишков приказал накормить рабочих, инженеров и их семьи, а детей вывезти в безопасное место.

Мысли комдива были уже впереди — дивизии предстояло с ходу форсировать Шпрее и наступать на правительственные кварталы, на логово Гитлера — имперскую канцелярию.

Вдруг по каске Д. К. Шишкова что-то ударило, будто упал тяжелый камень, и он потерял сознание. Это эсэсовец, засевший на третьем этаже, дал очередь из автомата по советскому офицеру и колонне пленных.

Красноармейцы бросились в здание, откуда стреляли. Вскоре эсэсовцы были уничтожены.

Это было четвертое ранение полковника Д. К. Шишкова. Первые два он получил в 1941 году: одно на девятый день войны, под Могилевом, другое в ноябре — под Москвой.

...7 ноября 1941 года старший лейтенант Даниил Шишков стоял в парадном строю защитников Москвы на заснеженной Красной площади. Взоры бывшего часового поста № 1, всех воинов были устремлены на Мавзолей вождя, туда, где алело родное имя ЛЕНИН. Оно придавало каждому силы и веру в победу. Они знали: с этим именем пойдут сегодня в бой, с этим именем многие из них погибнут, но не пропустят врага к столице.

— На вас смотрит весь мир,— долетали с трибуны Мавзолея слова Верховного главнокомандующего,— как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей... Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии!.. Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!..

В четком строю шли мимо Мавзолея Даниил Шишков и его однополчане. Уходя в бой, они мысленно клялись Ильичу: «Не отступим. Выдержим. Победим».

Бьется шинель на ветру о колени,
В воздухе веет сражения дым...

Кажется, молча поднявшийся Ленин,
Стоя вверху на гранитной ступени,
Кепкою машет солдатам своим...

Они отбросили врага от Москвы.

Почти через три года, 5 ноября 1944 года, подполковник Даниил Шишков был удостоен высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. Его полк одним из первых форсировал Днепр и прорвал «Восточный вал», который гитлеровская пропаганда объявила неприступным.

Росло воинское мастерство бывшего часового поста № 1 (он начал воевать младшим лейтенантом, командиром взвода), менялись районы боев, но, как и для всех советских людей, неизменной оставалась цель — победа.

...Очнувшись во дворе электростанции, Даниил Шишков почувствовал, что голову перевязывают. Открыв глаза, увидел девушку в сером платье и в белой косынке с красным крестом. Немецкая медсестра! Она сосредоточенно бинтовала его, что-то тихо говоря на своем языке...

Полковника Шишкова спасла каска: пуля, летевшая в правый висок, споткнулась о металл, в месте удара каска «поддалась», и ее рваные острые края врезались в голову.

Когда перевязанный Шишков встал, у него закружилась голова. Но он устоял на ногах.

Подъехали «виллис» командира корпуса и санитарная машина. Генерал обнял Даниила Кузьмича и поблагодарил за спасение его храбрыми бойцами электростанции, а затем предложил лечь в госпиталь. Но комдив впервые отказался подчиниться старшему командиру.

— Не обижайте меня, Иван Павлович! — взмолился он.— Четыре года я ждал того дня, когда доберусь наконец до самого логова Гитлера.

И генерал отступил.

В тот же день пехотинцы Д. К. Шишкова с ходу форсировали Шпрее.

А в это время начальник политотдела дивизии беседовал с рабочими и инженерами электростанции. Они все остались на своих местах и были готовы обеспечить нормальную работу энергоузла.

Однажды в 1969 году в квартиру Героя Советского Союза полковника в отставке Д. К. Шишкова позвонили. Открыв дверь, он увидел трех иностранцев.

— Мы из посольства Германской Демократической Республики,— сказали они.

Гости сообщили, что рабочие берлинской электростанции Клингенберг давно разыскивают полковника Шишкова, дивизия которого спасла их предприятие от уничтожения эсэсовцами. Они рады, что легендарный полковник жив и здоров, нашли его адрес и приглашают приехать в Берлин на празднование 25-летия освобождения их родины от фашизма.

Едва сойдя с самолета в берлинском аэропорту, Даниил Кузьмич сразу попал в крепкие объятия Альфреда Вюлле и Карла Мейнинга. Молодые энергетики, которые в 1945 году детьми прятались в бункерах Клингенберга, преподнесли своему спасителю цветы. Приветствуя дорогого гостя, директор электростанции сказал, что ее рабочие и инженеры свято хранят в

памяти подвиг советских солдат. На следующий день, когда Д. К. Шишкову показывали цехи электростанции и он пожимал десятки тянувшихся к нему дружеских рук, полковник заметил женщину, которая почему-то долго, внимательно вглядывалась в его лицо. Потом вдруг подошла к нему и крепко расцеловала. Это была та самая медицинская сестра, перевязавшая его после ранения во дворе электростанции.

Московскому гостю показали новое оборудование, рассказали о начавшейся генеральной реконструкции предприятия.

На митинге Даниил Кузьмич поблагодарил немецких друзей за теплую встречу. Освобождение народов Европы от фашистского ига, сказал он, было для нас, советских воинов, интернациональным долгом, к выполнению которого мы были подготовлены всем строем нашей жизни.

Внешне электростанция Клингенберг была все та же. Потемневший от времени красный кирпич зданий. Только оспины от пуль напоминали о жестоких боях в апреле сорок пятого...

Ветеран побывал и там, где был ранен. Клингенбержцы подарили ему на память шкатулку с землей, взятой с того места, где он пролил свою кровь за свободу немецкого народа.

Потсдам, Лейпциг, Дрезден... Всюду Даниил Кузьмич видел, как трудящиеся первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле, храня верность заветам Карла Либкнехта, Клары Цеткин и Эрнста Тельмана, идя ленинским путем, успешно строят общество, о котором мечтали лучшие сыны и дочери Германии.

...Самолет улетал в Москву вечером. Когда лайнер стал подниматься, Даниил Кузьмич прильнул к иллюминатору. Внизу ярко светились окна домов, фонари на магистралях и площадях. «Ту-104» набирал высоту, и вот уже под его крыльями в темной глубине — лишь море электрических огней, сверкающее, как драгоценное ожерелье. Самолет удалялся, но долго еще был виден свет над Берлином — свет электростанции Клингенберг.

...В 1974 году министр национальной обороны ГДР наградил полковника Д. К. Шишкова золотой медалью «Братство по оружию». На ней изображены два солдата в касках — воины армий СССР и ГДР. Над ними пятиконечная звезда — путеводная звезда нашей эпохи. Надпись гласит: «БРАТЬЯ ПО КЛАССУ ★ БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ ★ НЕПОБЕДИМЫ».

III

Одиннадцать лет — с 1924 по 1935 год — несли почетный караул у Мавзолея Ленина курсанты Объединенной командной школы имени ВЦИК.

Сначала эта вахта называлась «почетным караулом по охране гроба Председателя СНК В. И. Ленина», «почетным караулом у могилы товарища Ленина». В первые дни было семь постов: № 1 — у входа, № 2 — на лестнице, ведущей вниз, № 3 — у гроба Ильича. Остальные часовые охраняли, в частности, сотни венков вокруг усыпальницы и у Кремлевской стены, указывали места для новых, которые круглые сутки приносили делегации, не успевшие приехать в Москву к моменту похорон любимого вождя. С 6 февраля 1924 года почетный караул у Мавзолея стал назначаться «в составе двух постов». Они сохранились до наших дней — у входа в усыпальницу и у саркофага Ильича.

Но как бы ни назывался в течение более шестидесяти лет этот караул, он всегда оставался самым почетным. И как бы ни менялась нумерация его постов, они всегда были самыми первыми, самыми главными в стране.

Летом 1935 года почетный караул у Мавзолея Ленина приняли солдаты кремлевского гарнизона.

НОВОБРАНЦЫ

Эти торжественные минуты повторяются через каждый час.

Из Спасских ворот выходят три бойца с карабинами «на плечо». Их лица сосредоточенны и светлы. На синих околышах фуражек горят красные звездочки. Как три ракеты, нацеленные ввысь, сверкают штыки.

Смена караула!

В наступившей тишине слышна лишь твердая поступь солдат. Штыки плывут мимо гостевых трибун, мимо Братских могил героев Октября, мимо гранитных досок с именами прославленных революционеров...

...Каждый солдат мечтает нести эту вахту. Будущие часовые на занятиях тщательно отрабатывают строевой шаг, ружейные приемы, слаженность движений. На специальном макете портала Мавзолея учатся правильному подходу и отходу. Они добиваются безукоризненной четкости. Ведь им стоять на виду всей Земли.

Накануне первой вахты многие часовые долго не могут заснуть. Допоздна в казарме слышны разговоры: «Как мы там завтра?»... И вот

наконец команда разводящего: «На пле-чо!» Взметнулись вверх штыки. «Шагом марш!» Вышли на Красную площадь, заполненную народом, и... Один вспоминает: «...сердце словно оторвалось», другой: «...руки и ноги не слушаются», третий: «...туман перед глазами».

Великая ответственность — великое волнение!..

Все ближе двери, над которыми алеет родное имя ЛЕНИН. Приставлен шаг, карабины энергично взяты к ноге — новые часовые стоят перед старыми. И в этот миг над притихшей Красной площадью, над Мавзолеем вождя раздается торжественный бой кремлевских курантов. Солдаты сменяются под второй перезвон.

Через несколько дней исчезает скованность движений, четче выполняются ружейные приемы. И смена караула у Мавзолея Ленина превращается в парад высшей воинской выправки. Все, кто находится в те минуты на Красной площади, спешат к усыпальнице вождя, чтобы полюбоваться строгим и величественным ритуалом. Взволнованно блестят глаза тех, кто видит его впервые, и тех, кто в сотый раз.

Идут годы, но неизменны главные впечатления часовых — и Ивана Кузовкова, и Александра Родимцева, и Афанасия Щеглова, и сегодняшних.

«Всех, приходящих в Мавзолей,— говорит рядовой Александр Артемьев, потомственный путиловец,— объединяет одно — любовь к Ленину». «Если бы Мавзолей был открыт не три часа, а круглые сутки,— считает его напарник Владимир Коренченко,— люди шли бы без конца». «Даже ночью,— добавляет разводящий старший сержант Александр Куряков,— на па-

рапет Мавзолея кладут цветы; к утру их становится все больше».

Часовые горды доверием народа. Они несут почетную и ответственную вахту только на «отлично».

Ими восхищаются миллионы. Солдатам присылают их фотографии со всех концов страны и из-за рубежа.

Им пишут письма: «Завидуем вам: ведь это почетно стоять у Мавзолея нашего дорогого Ильича». Пионеры 5б класса 58-й школы Тулы сообщают: «Стараемся хоть немножко быть похожими на вас, стараемся лучше учиться, больше трудиться, заботиться о младших, быть хорошими помощниками родителей».

К праздникам коменданту Кремля приходят открытки. «Прошу поздравить всех ребят, которые берегут покой нашего Вождя и отца всей России»,— пишет телеграфистка алма-атинского аэропорта Лидия Дмитриева, на всю жизнь запомнившая посещение Мавзолея Ленина. «Дорогие товарищи солдаты! — обращаются пионерки Лена Федотова и Таня Степаненко из Киргизии.— Поздравляем вас с праздником 1 Мая, желаем крепкого здоровья и долгих, долгих лет жизни».

Часовым пишут как близким и родным: «Поставьте от нас венок в день рождения дедушки В. И. Ленина»,— просят ученики 47-й школы г. Фрунзе.

Среди часовых 60-х годов были два брата. Они стояли в дверях Мавзолея, и люди удивлялись: до чего ж похожи! Виктора и Евгения Емельяновых — братьев-близнецов — путали даже сослуживцы. Оба — рослые и статные, в ладно пригнанной солдатской форме, отличные

баскетболисты. Братья вместе стали сержантами, потом старшими сержантами. Лишь когда одному раньше другого присвоили звание старшины, их стали различать по погонам... Десятки раз — днем и ночью, в жару и стужу, под солнцем и дождем — стояли братья на посту. За отличную службу Виктор и Евгений были удостоены Почетных грамот ЦК комсомола. А председатель Комитета государственной безопасности наградил Емельяновых часами. Отслужив срок, близнецы уехали в Тулу, к отцу и матери, и поступили на завод.

Почетную вахту у Мавзолея Ленина несли еще две пары братьев-близнецов — в 1972 году Александр и Иван Муравьевы, металлурги из Никополя, в 1979-м — Владимир и Юрий Бушуевы.

В кремлевский гарнизон часто приходят вести от его питомцев — рабочих, колхозников, студентов. Иван Боярских, несший вахту у Мавзолея Ленина в 20-х годах,— ветеран Уральского завода тяжелого машиностроения. Он приехал в дремучий лес в 1927 году, когда падали первые срубленные сосны. В бараках строителей горели лучины. А теперь Уралмаш — это город-завод. Его рабочие построили самые мощные в Европе домны, монтажные краны для крупных электростанций. В доменных печах, сооруженных уралмашевцами, плавится до 75 процентов чугуна, блюминги с маркой «УЗТМ» дают четвертую часть металлопроката страны. И понятно, что Иван Боярских — один из самых уважаемых людей Уралмаша. Следуя примеру героев первых пятилеток, многие солдаты-кремлевцы, демобилизуясь, едут по комсомольским путевкам на стройки Сибири, Кам-

чатки и других развивающихся краев. Другие возвращаются в родные цехи и депо, колхозы и совхозы. В 60-х годах земляки Николай Чернов и Станислав Посохин вместе стояли на посту № 1, а потом пришли в один цех завода Белинсксельмаш Пензенской области. Николай — член комитета ВЛКСМ, ударник коммунистического труда, редактор «Комсомольского прожектора». 22 апреля — в день рождения Владимира Ильича — Станислава приняли кандидатом в члены КПСС. В Риге хорошо знают машиниста дизель-поезда Вольдемара Цирулиса; бывшего разводящего главного поста страны четвертый раз подряд избирают депутатом городского Совета.

И в мирные дни бывшие часовые поста № 1 показывают образцы боевой доблести.

Демобилизовавшись в 1971 году, Виктор Ефимов стал инспектором ГАИ Киевского района столицы... Как-то поздним вечером младший сержант милиции Ефимов увидел мчавшийся по улице «Москвич». Машина выписывала зигзаги по мостовой и тротуарам и едва не сбила с ног нескольких прохожих. Было ясно: за рулем — пьяный шофер. Виктор тут же развернул мотоцикл и стал преследовать машину. В ответ на требование остановиться «Москвич» увеличил скорость. Неоднократные попытки инспектора ГАИ обогнать машину и преградить ей путь не удались, так как нарушитель каждый раз прижимал мотоциклиста к тротуару. Возле Краснопресненской набережной Виктор Ефимов увидел: лихач вот-вот врежется в толпу прохожих. Выжав из мотоцикла все силы, он все же обошел «Москвич» и преградил ему путь. Раздался сильный удар... Ефимова выбро-

сило из мотоцикла. Через мгновение Виктор очнулся, но «Москвич» уже исчез. Лишь верный друг мотоцикл, выдержав жестокий удар, погромыхивал на холостом ходу.

Прохожие указали Виктору Ефимову, куда помчался лихач, и погоня возобновилась. Виктор настиг беглеца на безлюдной стройплощадке: тот бросил машину и пытался скрыться. Младший сержант смело вступил в схватку с преступником и задержал его. Погоня длилась всего семь минут.

За мужество, проявленное при охране общественного порядка и защите советских граждан от посягательств преступника, В. Ефимов был произведен в младшие лейтенанты и награжден медалью «За боевые заслуги». Молодой коммунист вскоре стал студентом-заочником юридического факультета Академии Министерства внутренних дел СССР. Капитан В. Ефимов продолжает службу в органах милиции.

В июне 1973 года газеты сообщили о другом бывшем часовом поста № 1: «Полгода сотрудники уголовного розыска охотились за убийцей... Патрулируя по трассе улица Горького — Ленинградский проспект, инспектор ГАИ Николай Десятов заметил у телеграфа двух горячо споривших мужчин... Лейтенант подошел к ним. И вдруг внешность одного показалась ему знакомой. Так выглядел разыскиваемый преступник!

...Перед самым отделением убийца рванулся в сторону. Но несколько приемов самбо, и он запросил у Н. Десятова пощады».

Газетная статья «Инспектор ГАИ» заканчивалась так: «В прошлом году на Ленинградском проспекте и улице Горького количество дорож-

ных происшествий сократилось в среднем на 4 процента. Вроде бы немного, но за каждым процентом стоит не одна человеческая жизнь. Если хотите, их спасли Н. Десятов и его товарищи».

У станков и в забоях, на лесах и токах, на страже общественного порядка часовые поста № 1 продолжают нести ленинскую вахту.

Однажды, обходя строй новобранцев призыва 1962 года, подполковник В. А. Пантелеев вдруг увидел знакомое лицо. Глаза, брови, улыбка Павла Ражева!

...Осенью 1941 года часовой поста № 1 Павел Ражев сменил, как и многие, караульную винтовку СВТ на боевой пулемет «максим». Защитники столицы знали Павла как скромного бойца и меткого стрелка... Ночью фашистские асы пытались бомбить Кремль. Разгорелся жестокий бой. Воздух содрогался от грохота. Бойцы знали: они защищают Москву, Кремль, Мавзолей Ленина. Враг хочет разрушить наши святыни!

Воздушный налет был отбит. Но осколок фашистской бомбы сразил Павла Ражева. Это произошло на глазах Василия Пантелеева.

И вот спустя более 20 лет подполковник В. А. Пантелеев вновь увидел Павла! Такого же молодого. Лишь немного у́же в плечах. Командир не выдержал и спросил у солдата фамилию. И тот ответил: «Ражев».— «Служил ли кто-нибудь из ваших родственников в Кремле?» — «По словам матери, отец».— «Где он сейчас?» — «Погиб, защищая Москву».

В какой семье — русской или грузинской,

украинской или мордовской — не гордятся близким, которому выпала честь охранять покой великого вождя! Но в истории поста № 1 это был, пожалуй, единственный случай, когда вахту у Мавзолея посчастливилось нести и отцу, и сыну.

На ближайших политзанятиях подполковник В. А. Пантелеев рассказал молодым бойцам о храбром пулеметчике — отце их товарища. Юрий Ражев был горд и взволнован. Ему исполнился всего год, когда пришла похоронная, он совсем не помнил отца и ничего не знал о его ратных делах. Командование уточнило, где погребен отважный солдат; сын, комсорг и молодые бойцы поехали туда и возложили венок на братскую могилу защитников Москвы.

Тысячи людей, посетивших Мавзолей в начале 60-х годов, видели стройного темнобрового часового со значком «Отличник Советской Армии» на груди. Это был Юрий.

Две фотографии... Отец выглядит моложе сына. Он остался двадцатилетним. Взгляд его по-солдатски тверд, он как бы говорит Юрию: «Вперед, сынок! Вперед к великой цели, указанной Лениным! Заверши то, что не успели отцы». Сын стоит под красным знаменем, у которого присягали на верность Ленину тысячи часовых поста № 1. Его — отличника боевой и политической подготовки, одного из примерных групкомсоргов — сфотографировали у развернутого знамени, как лучшего солдата.

Сыновья заменили отцов... Не шелохнутся на почетной вахте Янис Питерниекс и Марис Нейциниекс — наследники традиций легендарных красных латышских стрелков, охранявших В. И. Ленина на заре Советской власти... Чека-

ня шаг, ведет смену на пост № 1 отличник боевой и политической подготовки сержант Евгений Иванов — сын прославленного танкиста, Героя Советского Союза.

На посту Мавзолея Ленина всегда стоят юные солдаты. Так было шестьдесят один год назад, так сейчас, так будет впредь. И кажется, часовые главного поста страны не стареют. Они словно символизируют вечную молодость нашего дела.

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

Часовые стоят лицом друг к другу. Но видят и слышат очень многое. Если бы собрать всех, кто стоял на посту № 1, они рассказали бы о многих волнующих событиях, свидетелями которых были.

Часовые могли бы рассказать о заседании конгресса Коминтерна 18 июня 1924 года, когда у Мавзолея Ленина собрались старейшие революционеры всех стран. Ильича нет, сказал представитель РКП(б) М. И. Калинин, он не смог довести дело Коммунистического Интернационала до победного конца, но он оставил нам мощное оружие — свои заветы, оставил миллионные армии ленинцев, которые завершат мировую революцию. Каждый немецкий коммунист и сознательный рабочий, заявил посланец Компартии Германии, носит в своем сердце имя Ильича. Смуглый индус призвал крепить союз крестьян Востока и пролетариев Запада против буржуазии «всех языков и стран». Делегаты Коминтерна прошли перед рядами московских рабочих, комсомольцев, пионеров, выстроившихся на площади, и те дружным «ура» при-

ветствовали боевой штаб ленинской гвардии.

Часовые могли бы рассказать о том, как 1 августа 1924 года под торжественные звуки оркестра в Мавзолей внесли окровавленное и пробитое пулями знамя одного из последних батальонов Парижской коммуны. Красный стяг — символ великой революции, идеи которой нельзя уничтожить ни винтовками, ни пушками,— укрепили над ложем Ильича. Это был подарок пролетариев Парижа рабочим Москвы. Под красным знаменем зародилась власть трудящихся во Франции, под красными знаменами она живет и развивается в стране Ленина. Отправляя реликвию, спасенную от версальцев, коммунисты XX района Парижа, где она хранилась, поклялись не жалеть сил для защиты русской революции и победы пролетариев всех стран [1].

Часовые могли бы рассказать о том, как в течение многих лет первомайским утром у ленинской усыпальницы войска Московского гарнизона принимали присягу на верность трудовому народу...

Перед Мавзолеем Ленина ехали первые советские автомобили «АМО». В 1929 году по площади провезли многоместный самолет «АНТ-9» — «Крылья Советов», с созданием которого СССР перестал импортировать аэропланы. В 1930 году здесь прогрохотал первый оте-

[1] Знамя Парижской коммуны хранится теперь в Центральном музее В. И. Ленина, а алый бант с его древка — в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса. Осенью 1964 года этот бант вместе с портретами основоположников научного коммунизма — Маркса и Ленина достиг космоса на борту советского корабля «Восход». Стали явью слова Маркса, образно сказавшего, что герои Коммуны поднялись «на штурм неба».

чественный трактор, выпущенный волгоградцами в подарок XVI съезду партии. И поныне в дни больших праздников наши люди несут мимо Мавзолея Ленина, мимо часовых модели плодов своего труда — гигантских ГЭС, светлых жилых кварталов, стремительных космических кораблей.

Ветераны поста помнят парады на Красной площади, украшением которых была гарцующая кавалерия. Они помнят медленно ползущие неуклюжие танки. А ныне мимо Мавзолея Ленина движутся бронетранспортеры-вездеходы, мощные гаубицы, гвардейские минометы, всесокрушающие ракеты — баллистические, межконтинентальные... И часовые, глядя на чудооружие, призванное защищать мир, с радостью думают: «Вот какой силы достигла страна Ильича!»

...Июльской ночью 1941 года пост № 1 был переведен в железнодорожный вагон. Часовые сменялись под стук колес. За окнами проносились березы, дубы, потом пошли ели и сосны. Казалось, родная природа стала в тысячекилометровый почетный караул... А навстречу ехали воинские эшелоны, зачехленные пушки, танки. На запад, на защиту завоеваний Октября, на защиту рабоче-крестьянской республики, созданной Лениным... Три года и девять месяцев берегли часовые Ильича в далеком зауральском городе, недосягаемом для гитлеровских бомбардировщиков. Они печатали шаг не по асфальту, не по граниту, а по паркету скромного здания. Немногие знали, кому Родина доверила в грозную годину тело вождя.

Пост № 1 тогда раздвоился: по-прежнему стоял караул у Мавзолея. Гранитная святыня,

известная всему миру, дорогая всем трудящимся, символизировала несокрушимость и мощь дела, которому посвятил жизнь Владимир Ильич. Не случайно изображение ленинской усыпальницы поместили в те суровые годы в центре высшего военного ордена страны — ордена «Победы». К Мавзолею приходили маршевые части. Бойцы шли в полном боевом снаряжении, с винтовками «на ремень», с противогазами на боку и вещмешками за спиной. Гулко грохотали белые танки, окрашенные в маскировочный цвет. Взоры воинов были устремлены на родное слово ЛЕНИН. С этим именем они шли в бой, решив погибнуть, но не пропустить врага.

...24 июня 1945 года перед священной могилой Ленина в безмолвном благоговении выстроились сводные полки десяти фронтов. Здесь были самые прославленные воины, от солдата до маршала... С утра шел дождь. Казалось, слезы горя и радости слились вместе и пролились на Красную площадь, на пробитые пулями знамена, на квадраты войск — на Парад Победы.

С трибуны Мавзолея принимавший парад маршал Г. К. Жуков поздравил воинов с великим праздником. Едва утихло громовое «ура», как грянула музыка, и мимо усыпальницы вождя двинулись колонны победителей. Один за другим проплывали красные штандарты с наименованием фронтов. Карельский, Ленинградский, три Прибалтийских, три Белорусских, четыре Украинских... И в рядах каждого шли те, чей воинский путь когда-то начинался от портала ленинской усыпальницы.

Впереди 2-го Белорусского фронта шагал Герой Советского Союза Владимир Борисов, за-

меститель командира сводного полка. Грудь бывшего часового поста № 1 украшали 11 орденов. Это его гвардейская дивизия, прорвав осенью 1944 года вражескую оборону, с ходу форсировала польскую реку Нарев и вместе с танкистами захватила Сероцкий плацдарм на труднодоступном высоком берегу. Плацдарм стал нашими воротами в Восточную Пруссию. Гитлер назвал его пистолетом, нацеленным в сердце Германии... В рядах 2-го Белорусского сражались Иван Кузовков, Сергей Сенчилло и многие другие ветераны поста № 1.

Сводный батальон танкистов 1-го Прибалтийского фронта вел Герой Советского Союза Василий Бутков. Это о его корпусе напишут позднее в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны»: при разгроме восточнопрусского гнезда германского милитаризма танкисты-бутковцы проявили «исключительное мастерство, маневренность, умение наносить врагу существенные удары и вести за собой стрелковые части». За штурм города-крепости Кенигсберг генерал-лейтенант В. В. Бутков, ветеран поста № 1, получил «Золотую Звезду» Героя.

Стройными рядами шли гвардейцы Героя Советского Союза Леонида Чурилова. Это они, совершив стремительный 400-километровый бросок, первыми на 1-м Украинском фронте достигли Одера. На знамени их бригады — пять орденов: первый — за оборону Москвы, последний — за штурм Берлина. Их боевой путь можно изобразить в виде карающей красной стрелы, протянувшейся от стен Кремля до горящего рейхстага... Они шли на параде без своего командира. Бывший часовой поста № 1 гвардии

подполковник Л. Д. Чурилов лежал в госпитале — за несколько недель до победы его ранил вражеский снайпер. Но, слушая радиорепортаж с Красной площади, комбриг мысленно был со своими солдатами.

Чеканили шаг бойцы 23-й гвардейской мотострелковой бригады дважды Героя Советского Союза Александра Головачева, сформированной из моряков. Это они одними из первых захватили плацдарм за Одером. «Полосатые дьяволы», как прозвали их немцы, прошли с боями от Дона до Эльбы и Влтавы. Комбриг — ветеран поста № 1 — был ранен 11 раз и всегда возвращался в строй. Гвардейцы знали его любимое выражение: «Отдыхать будем в Берлине!» Не довелось их «бате» дойти до вражеской столицы — за два месяца до конца войны у немецкой деревни Логау его сразил вражеский осколок. Но его бесстрашные солдаты по-прежнему с гордостью называют себя головачевцами.

Мимо Мавзолея шли защитники Ленинграда, и среди них — гвардейцы Афанасия Щеглова, штурмовавшие Воронью Гору, освобождавшие Эстонию и Латвию. В четком строю проходили храбрецы Александра Родимцева — защитники Киева и Сталинграда, герои Сандомирского плацдарма; шли богатыри Степана Шутова и Николая Дрейера, принесшие волю румынским, болгарским, югославским, венгерским, чешским и австрийским городам. Яркие орденские ленты украшали победные знамена участников Берлинской операции — кавалеристов-мозырцев Григория Коблова, пехотинцев Ермолая Коберидзе и Даниила Шишкова.

Воины шли мимо Мавзолея вождя, как бы рапортуя Ильичу: «Дорогой товарищ Ленин!

Твой завет о защите социалистического Отечества выполнен!»

И казалось, вместе с ними идут по Красной площади вставшие из братских могил. Казалось, идет по площади генерал авиации Григорий Тхор, расстрелянный в гитлеровском плену и умерший как победитель — с «Интернационалом» на устах. Казалось, идут часовые одного из первых январских караулов 1924 года — бывшие курсанты-пулеметчики майоры Ионисий Кафьян, Михаил Аксенов, Петр Лукьянов, Сергей Боев, капитан Владимир Соколов, павшие в суровых битвах 1941—1942 годов. Казалось, идут подполковник Александр Савельев, погибший под Воронежем, красноармеец Павел Ражев, прикрывший грудью Москву... И они, бессмертные, вместе с живыми рапортовали Ильичу.

Ударили барабаны. Бойцы, несшие низко опущенные фашистские знамена, резко повернулись к Мавзолею и, предавая их позору, презрительным жестом швырнули к подножию усыпальницы. Следующие ряды бросали новые флаги со свастикой. Фюрер хотел, чтобы они развевались над Кремлем. Но им суждено было подметать гранитную брусчатку Красной площади. Двести знамен разгромленных немецких частей валялись перед Мавзолеем Ленина.

Два часа продолжался марш победоносной армии, спасшей мир от фашизма.

Так, всю войну пройдя лавиной,
По далям выжженных полей,
Она держала до Берлина
Равнение на Мавзолей.

...Однажды часовой увидел: у закрытой калитки Мавзолея остановился солидный чело-

век. Голова седая, глаза молодые. И долго стоял без шапки. И солдат подумал: может быть, это Главный конструктор космических кораблей? Да, сюда приходят перед стартами творцы этих кораблей и космонавты. Они словно докладывают Ильичу, что готовы к полетам во славу страны и партии. В дни торжественных встреч первых космонавтов казалось, что просторы Красной площади раздвинулись, и на нее пришли миллионы людей, чтобы приветствовать новый успех Родины. Космонавты поднимались на трибуну Мавзолея Ленина — высший пьедестал почета. И площадь рукоплескала им...

Сюда приходил космонавт № 1. Сюда придет космонавт № 100. Часовые, завидев пришедшего летчика, часто думают: не следующий ли герой, о котором завтра узнает весь мир? Не он ли первым оставит следы «на пыльных тропинках далеких планет»?

Весной солдаты действительно видят будущих покорителей Марса и Сатурна. Вихрастых и с косичками, их торжественно принимают у Мавзолея в пионеры. Они клянутся по-ленински учиться, по-ленински трудиться и, как Ильич, любить Родину. Пройдет несколько лет, и они — празднично одетые юноши и девушки — снова придут сюда теплой июньской ночью с выпускного вечера. Да, как космонавты перед стартом, приходят сюда ежегодно десятиклассники перед началом больших и трудных дорог.

В такие ночи часовые идут на пост по живому человеческому коридору, как в дни больших праздников — 1 Мая и 7 ноября. До утра не закрывается решетчатая калитка — выпускни-

ки возлагают к Мавзолею букеты цветов. Их так много, что корзины стоят почти у ног солдат.

...Возложив венки, юноши и девушки несколько минут молчат. Они чтут память человека, чьи идеи превратили Россию лапотную в Россию ядерных реакторов и космических кораблей.

Почетный караул у Мавзолея — это не только воинские почести. Это — символ всенародной любви к вождю.

...В ночь на 21 января 1925 года на Красной площади раздался цокот копыт. 20 всадников подъехали к арке ГУМа, спешились и вошли внутрь. Командир доложил встретившему их начальнику:

— Курсанты 2-й Московской пехотной школы прибыли для несения почетного караула у гроба Владимира Ильича Ленина.

Около часу ночи, вспоминал бывший курсант А. П. Кузнецов, полковник в отставке, пехотинцы пересекли заснеженную площадь и встали на посты у входов в усыпальницу, Траурный зал и у саркофага вождя. Они сменили артиллеристов.

Так в первую годовщину смерти В. И. Ленина — 21 января 1925 года — в почетный караул у Мавзолея вместе с кремлевцами встали курсанты, красноармейцы и командиры других военных школ и полков московского гарнизона. Туда выделялись лучшие из лучших. Их фамилии объявлялись в приказе по части с указанием заслуг каждого.

...Через 15 минут пехотинцев сменили бойцы-связисты. И так целые сутки. Поздним вече-

ром в караул встали слушатели Высших химических курсов Красной Армии... Одновременно с военными почетную вахту у саркофага несли рабочие и крестьяне.

Эта традиция возродилась в 60-е годы. Когда пионерия или комсомолия отмечают на Красной площади свои праздники, то на посту № 1 рядом с солдатами стоят лучшие школьники и студенты, молодые рабочие и колхозники.

19 мая 1962 года рядом с часовыми на главный пост страны встали шесть пионеров — трое справа, трое слева. В тот солнечный день юные ленинцы праздновали 40-летие своей организации... По площади текла яркая ребячья демонстрация. Школьники докладывали Ильичу, партии, что план пионерской двухлетки выполнен. Они рассказывали о «зонах пионерского действия»: заводах, совхозах, колхозах, стройках...

22 апреля — в день рождения Ильича — рядом с часовыми в почетном карауле стоят седые ветераны. Из Москвы, Иванова, Калинина... В генеральских мундирах и скромных поношенных плащах. У многих — ордена без колодок, привинчены к одежде. Такими награждали за Перекоп и Спасск, за Днепрогэс и Кузбасс, за Мадрид и Карельский перешеек. Солдаты революции, солдаты партии... Многие из них видели живого Ленина, разговаривали с ним, слушали его пламенные речи... И, словно продолжая разговор с Ильичем, каждый из них мысленно отчитывается за прожитое.

17 сентября 1964 года у гранитной стены Мавзолея бережно поставили венок, на алой ленте которого золотились слова: «Владимиру Ильичу Ленину от курсантов-кремлевцев выпуска 1924 года». Около ста бывших курсантов

съехались на традиционную встречу... Ветераны обнажили головы. Многие были в штатском, но в них не трудно было узнать военных — кепки и шляпы они держали на ладони, как требуется по уставу держать фуражки и каски. Минута молчания... И вот ветераны медленно вошли в вестибюль Мавзолея. А рядом с молодыми солдатами А. Вороновым и Б. Жугалевым на пост № 1 встали первые часовые исторического караула — генерал в отставке Григорий Коблов и пенсионер Арсентий Кашкин.

После статьи в «Неделе» между ними завязалась переписка. Они рассказали друг другу о своей жизни, интересовались судьбами товарищей.

В начале сентября Кашкин прислал телеграмму: «Выезжаю Москву». Понятно, с каким волнением ожидал Григорий Петрович фрунзенский поезд... Вот вагоны замедлили бег, лязгнули буферами и остановились... Где же гость? Он выглянул из окна и, увидев на перроне генерала, сразу узнал его: «Гриша!» Они обнялись и расцеловались. Сорок лет! И каких лет! Друзья расстались молодыми командирами, а встретились шестидесятилетними ветеранами. О волнующей встрече первых часовых сообщила «Правда». А операторы Центрального телевидения выпустили ленту «Они были первыми», переданную в выпуске «Московских новостей».

Григорий Коблов и Арсентий Кашкин стояли на главном посту страны, и перед их взором мысленно проходила вся их собственная жизнь и жизнь страны.

Это был нелегкий путь. Но, если бы пришлось начинать жизнь сначала, тысячи ветеранов поста № 1 вновь пошли бы тем же путем.

Даже смерть бессильна снять их с поста. Генерал Григорий Тхор — один из руководителей подпольщиков в фашистском лагере Хаммельбург, казненный гитлеровцами,— навечно зачислен в списки Н-ского бомбардировочного авиационного полка. У могилы Александра Головачева в украинском городе Василькове, освобожденном его бригадой, школьников принимают в пионеры. Они клянутся быть такими, как легендарный комбриг, писавший с фронта родным: «Если у меня не будет рук — буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Но пока враг в России — с фронта не уйду!»... Имена Головачева, Гордеева, Родимцева, Тхора, Шутова носят улицы и суда.

Пять минут стояли Григорий Коблов и Арсентий Кашкин в почетном карауле на посту № 1. Стрекотали направленные на них кинокамеры. Но ветераны не замечали их. Они думали о человеке, чье сердце билось для людей. Они думали о великих годах, прошедших в грохоте освободительных войн, в победном гуле новостроек.

Посетив Мавзолей Ильича, народная сказительница Маремьяна Голубкова поклонилась часовым и сказала:

— Вы храните-берегите света-Ленина,
Вы на долгие века нашим деточкам,
Нашим внучкам, нашим внукам, нашим правнукам,
Всем народам, дальним родам, дальним прародам.

Наказ русской крестьянки — наказ всех честных людей планеты.

...У входа в Мавзолей Ленина застыл почетный караул. Два солдата с карабинами. Внуки

героев Перекопа и Волочаевки, сыны строителей Днепрогэса и Магнитки, защитников Бреста и Москвы, освободителей Праги и Мукдена. Здесь главный пост страны — пост № 1.

И так уже 62-й год. И так будет вечно.

ЭПИЛОГ

Однажды, проходя по Красной площади мимо группы туристов, я услышал голос гида:

— 27 января 1974 года, в 50-ю годовщину почетного караула у Мавзолея Ленина, в 16 часов — в то же время, что и полвека назад,— первые часовые Коблов и Кашкин вновь встали на этот пост...

Имена Г. П. Коблова и А. В. Кашкина ныне известны всей стране. Они получили тысячи писем. Пионеры, рабочие, студенты, солдаты и офицеры, школьные, воинские, заводские музеи просили бывших кремлевских курсантов прислать воспоминания о встречах с В. И. Лениным, рассказать о своей жизни, приглашали в гости, желали успехов и здоровья.

27 января 1969 года — в годовщину почетного караула — ветераны поста и сегодняшние часовые были приглашены на торжественный пионерский сбор в московскую школу № 669.

Ребята встретили дорогих гостей как старых знакомых. Они не раз бывали дома у ветеранов, записали на магнитофон их воспоминания, фотографировались с ними, докладывали о своих пионерских делах и планах; бывшие часовые подарили пионерам буденовку (в этих краснозвездных шлемах несли вахту у Мавзолея Ленина курсанты 20—30-х годов), генеральскую фуражку, бинокль, портупею и планшетки, с

которыми прославленные питомцы почетного караула прошли от Москвы до Берлина. Ветераны помогли ребятам собрать редкие фотоснимки Мавзолея и исторических событий на Красной площади, а также книги о боевом пути ленинцев, начинавших ратную службу на главном посту страны. Первый в СССР школьный музей «Часовые поста № 1» был удостоен Почетной грамоты «Пионерской правды», а затем звания «Отличный школьный музей».

...В зале замер парадный строй пионеров, седых ветеранов и молодых солдат-кремлевцев.

— Дружина, под знамя смирно!

Красное полотнище плыло под барабанный бой к сцене — к портрету В. И. Ленина, у которого застыл почетный караул часовых поста № 1 в синих погонах. «Повеяло прошлым, пройденными путями в годы революции, в годы войны и послевоенного времени,— вспомнились слова Чингиза Айтматова.— Знамена — это реликвии, сохраняющие цвет, запах, устремления тех дней, и тем они ценны, что символизируют связь минувшего и сегодняшнего...»

В торжественной тишине вожатая Элла Прокофьева зачитала решение Тимирязевского райкома комсомола о присвоении пионерской дружине школы почетного наименования — «имени Часовых поста № 1». Ветераны вечного караула и молодые солдаты — сегодняшние стражи ленинской усыпальницы — сердечно поздравили ребят и пожелали им вырасти стойкими борцами за коммунизм.

Сосредоточенны и взволнованны лица мальчиков и девочек, принимаемых в пионеры. Ведь им повязывают красные галстуки первый часовой поста № 1 Г. П. Коблов, Герой Советского

Союза В. А. Борисов, Герой Советского Союза В. В. Бутков, солдаты-кремлевцы.

Ученики 669-й школы хорошо знают боевые подвиги прославленных часовых поста № 1 — кавалеристов, танкистов, артиллеристов, летчиков, пулеметчиков. Их имена носят пионерские отряды. Перефразируя известные слова В. Маяковского, можно сказать, что ребята «делают жизнь с товарищей часовых поста № 1».

Имена его прославленных ветеранов сегодня носят многие пионерские отряды в Калининграде, Харькове, Ростове, Ремонтном, Георгиевке и других городах и селах. Имя первого часового поста № 1 Григория Коблова начертано на вымпеле молодежной бригады оптического завода в городе Ратенов (ГДР), освобожденном его кавалерийской дивизией в 1945 году.

Ветераны поста № 1 избраны почетными пионерами и комсомольцами сотен школ Советского Союза, ведут дружескую переписку с тысячами отрядов. «Сейчас играем в «Зарницу»,— пишут ребята,— а если потребуется, пойдем в настоящий бой за Родину!»

Делегации лучших школьников — частые гости в квартирах Г. П. Коблова, Д. К. Шишкова, Л. Д. Чурилова, В. А. Борисова...

К 60-летию почетного караула у Мавзолея Ленина — 27 января 1984 года — многие газеты и журналы опубликовали репортажи о солдатах, которые несут эту ответственную вахту, интервью с первым часовым — генералом Г. П. Кобловым. Воины-кремлевцы развернули социалистическое соревнование за право заступить на главный пост страны в 16 часов — в тот миг, когда в далеком 1924 году встали на этот пост Григорий Коблов и Арсентий Кашкин.

В песне кремлевцев, сочиненной одним из часовых вечного караула, поется:

Блестят штыки в лучах заката,
Не дрогнут карабины у плеча.
Торжественно и гордо три солдата
Чеканят шаг к покоям Ильича...

27 января 1984 года высокой чести заступить на юбилейную вахту у Мавзолея Ленина удостоились победители соревнования — отличники боевой и политической подготовки рядовые Сергей Королев и Олег Котенко. Ровно в 16 часов лучший сержант Виктор Величко поставил их на пост № 1.

16 мая 1974 года в ЦК ВЛКСМ побывали 22 лучших часовых пионерско-комсомольского поста № 1 у мемориала «Огонь Вечной Славы» в Пятигорске. (Там покоятся останки членов ЦИК Северо-Кавказской республики, погибших в гражданскую войну, 160 жертв фашистского террора и высечены имена 12 000 горожан, павших в борьбе с гитлеровскими захватчиками.)

Поездка в Москву — награда лучшим юнармейцам Пятигорска. В конференц-зале ЦК ВЛКСМ, где обычно происходит чествование космонавтов, героев труда, лучших представителей советской молодежи, перед школьниками Пятигорска выступили секретарь ЦК ВЛКСМ С. Г. Арутюнян, вице-адмирал Герой Советского Союза Г. Н. Холостяков. В «Комсомольской правде» в статье «Равнение — на главный пост» так описывался наиболее впечатляющий момент встречи: «В торжественном строю замерли ребята в синих беретах. Первый часовой поста № 1 у Мавзолея В. И. Ленина генерал-майор Г. П. Коблов вручает ребятам автомат, как символ преемственности поколений, как символ то-

го, что они будут верны клятве тех, кто обещал до последней капли крови защищать дело партии Ленина».

В августе 1974 года в Пятигорске состоялся Всесоюзный сбор начальников штабов пионерско-комсомольских постов № 1 у Огня Вечной Славы. На него прибыли посланцы 33 городов, где юные патриоты несут почетную вахту у священных мест солдатской доблести и народной памяти. Начальники штабов встретились с ветеранами войны, посетили историко-революционные и лермонтовские места, Музей боевой славы, обменялись опытом работы.

Незабываемой для юных патриотов была встреча с первыми часовыми у Мавзолея В. И. Ленина. Г. П. Коблов и А. В. Кашкин обратились к участникам Всесоюзного сбора с письмом:

«Дорогие товарищи! Полвека назад мы, первые часовые, заступая на священный пост у Мавзолея В. И. Ленина, торжественно поклялись свято хранить память великого вождя, покой и честь его соратников. Примите же от нас эстафету верности и пронесите ее нерушимо через всю жизнь». Ветераны призвали юную гвардию умножать боевые и трудовые традиции отцов и дедов, учиться у них преданности высоким идеалам коммунизма, быть всегда готовыми к свершениям во славу Родины.

28 августа 1974 года Г. П. Коблов и А. В. Кашкин встали в почетный караул на пост у Огня Вечной Славы. Рядом с мальчишками и девчонками, сжимавшими на груди автоматы. Рядом с правнуками, которым предстоит охранять завоевания Октября.

Каждый из них стремится быть таким же, как часовые поста № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

I

ПЕРВЫЕ ЧАСОВЫЕ 4

Забытая фотография —
Клятва красных командиров 8
15 салютов в честь гвардейцев Коблова 10
Разводящий Янош Мейсарош 15
Бессрочный пропуск Арсентия Кашкина 21
Начальник караула 29
Всегда на посту 38
У саркофага 43
По следам постовой ведомости (Судьба одного караула) 48

II

СЕМЬ ИЗ 7200 61

Солдат из Цхмори —
Одна смена — два героя 65
Капитан Павлито 72
Узник Хаммельбурга 75
Депутат Сабирабада 84
Почетный гость Берлина 90

III

В ВЕЧНОМ КАРАУЛЕ 103

Новобранцы —
Поступь истории 111
Эпилог 123

Алексей Сергеевич Абрамов

ЧАСОВЫЕ ПОСТА № 1

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Т. А. Ходакова*
Художник *Н. И. Суслов*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *И. А. Золотарева*

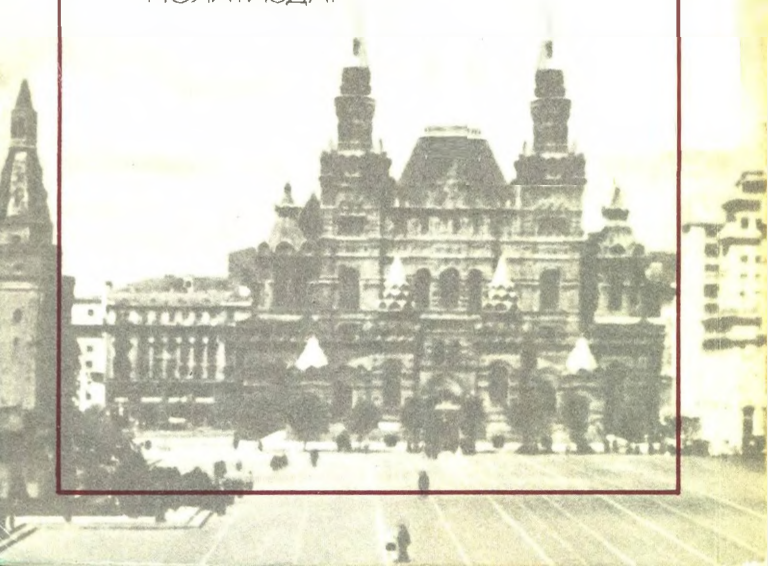
ИБ № 4767

Сдано в набор 25.04.85. Подписано в печать 16.07.85. А00146. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,26. Усл. кр.-отт. 6,44. Уч.-изд. л. 5,35. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 4113. Цена 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

20 коп.

У входа в Мавзолей Ленина застыл
почетный караул. Два солдата
с карабинами. Внуки героев Октября,
сыны победителей гитлеровской
Германии. Здесь главный пост
страны — пост № 1.
Цветут ли липы на Красной площади
или снежным покрывалом укрыты ели
у Кремлевской стены,— в любую погоду
мимо часовых течет бесконечный поток.
Он возникает не на Красной площади.
Он начинается на тротуарах всех
городов мира, на островах всех морей,
на тропинках всех гор и долин.
А Красная площадь лишь последний
пункт этого пути, расстояния на котором
нужно измерять не километрами,
а ударами человеческого сердца.
На виду всей Земли стоят солдаты.
На планете нет вахты почетней, чем эта.
Каждая смена стоит по 60 минут.
И так уже 62-й год. И так будет вечно.

ПОЛИТИЗДАТ